

Практическая романтика

Автор:

Оксана Алексеева

Практическая романтика

Оксана Алексеева

Молодежная романтика

Я переехала к морю, поступила в лучший институт, устроилась на летнюю практику в крупнейший отель побережья. И ничего, что там же будет Большая восьмерка – сборище избалованных мерзавцев и высокомерных мажоров. Открыто конфликтовать с ними я не намерена, себе дороже. Разве что вести скрытую партизанскую войну... Но у каждого в шкафу свои скелеты.

Оксана Алексеева

Практическая романтика

Глава 1. Все хотят в «Грёзы»!

– От таких предложений не отказываются, Васнецова! Ты хоть понимаешь, как тебе повезло?

– Понимаю, Галина Петровна.

Заведующая любимой кафедрой заметно обрадовалась и повысила голос так сильно, что сотовый завибрировал в моих руках.

– Вот и молодец! Молодчина! – непонятно зачем подбадривала она меня. – Да я сама не позволю упускать такие шансы, вы же мне как дети...

Это ее «как дети» уже стало притчей во языцех, над которой студенты устали смеяться. Но если уж совсем откровенно, то она не преувеличивала – Галина Петровна, главный человек кафедры «Туризм и отельный бизнес», на самом деле радела за всех своих подопечных. Или хотя бы за тех, в ком видела неподдельное рвение. Я оказалась в числе фаворитов, и этому факту стоило порадоваться. А я не только не впала в блаженный экстаз, но и не удержалась от вопроса:

– Галина Петровна, а Большая восьмерка тоже всё лето будет в «Грёзах»?

К счастью, она не стала притворяться, что не поняла, о ком речь. Но таким аргументом ее с цели сбить было невозможно:

– Скорее всего! И что с того, Васнецова? Ты думаешь, тебя на практику в руководство отеля возьмут? Хорошо, если в хозчасть. Совсем отлично, если хоть неделю позволят за стойкой постоять! Ты с... эм-м... остальными студентами нашего вуза даже встречаться там не будешь, прости за откровенность – разного полета птички. Так каков будет твой положительный ответ? Клянусь твоим красным дипломом, Ульяна, через семь секунд я намерена разговаривать с Михайловым! И плевать, что у него средний балл ниже твоего, зато уже через восемь секунд он радостным галопом побежит оформлять трудовую книжку, не задав ни одного лишнего вопроса. Чуешь разницу?

Да, уговаривать она умеет. Я была бы полной дурой, если бы тут же не завопила:

– Я согласна, Галина Петровна! Огромное вам спасибо за доверие!

– То-то же! – рявкнула она, констатируя свою победу. Хотя, честно говоря, никто в таком окончании телефонного разговора и не сомневался. Теперь заведующая орала так же громко, но уже без угрожающих нот: – «Грёзы» выделили только восемь мест, и давай будем реалистами, Васнецова: ни одно из этих мест не предназначалось простым смертным. Не будем и злорадствовать, а просто отметим, что наш дорогой мэр зря отправил своего любимого сына в Альпы посреди учебного года. Злорадствовать не будем, но ногу Анатолию не мы с тобой ломали, чем он и освободил одно местечко. В общем, у тебя неделя, чтобы

закрыть сессию. А потом поезжай и порви там всех! – завкафедрой вдруг осеклась. Вероятно, и сама поняла, что немного перегнула с боевым настроем. Закончила чуть мягче: – В смысле, заложи первый кирпичик в фундамент своего светлого будущего.

Еще несколько секунд после окончания разговора я молча рассматривала подсвеченные июньским солнцем пылинки, кружившие возле окна, а потом непроизвольно начала улыбаться – с каждой секундой все шире. Замечательная Галина Петровна была права, от таких шансов не отказываются, а моя первоначальная одеревенелость связана только с шоком – не каждый день с самого утра сносят с ног настолько приятными новостями. Лучший отель побережья «Грёзы русалки» предлагал не просто практику, но еще и трудоустройство на все лето. С такой первой записью в трудовой книжке я по своей специальности сделаю не один, а целых десять шагов вперед, даже если на практике не буду заниматься вообще ничем серьезным. Бренд решает всё. А «Грёзы» – это даже не бренд, а флагман целого рынка. Нельзя сказать, что выбор пал на меня без оснований – Галина Петровна на единственное свободное место выбирала не по человеку, а по среднему баллу успеваемости. Я заслужила! Потому и имею право радоваться.

В любой бочке меда есть ложка дегтя. Устройство на летнюю практику в лучший отель по эту сторону моря могло бы снести крышу, если бы не разбавлялся менее радостным фактом: там же будет находиться вся Большая восьмерка – сборище наглых, избалованных мажоров, детей политиков и владельцев все тех же отелей. А я имела несчастье уже быть с ними знакомой. И настолько неприятным стало для меня то знакомство, что я и спустя год не могу вспоминать о нем, не поморщившись. Хуже всего то, что удар пришелся в самое уязвимое мое место.

Тогда я только приехала в этот город и еще пребывала в уверенности, что плохое оставила в Москве, а здесь, на фоне бесконечного солнца и сумасшедше красивого моря, никогда ничего плохого не случится. Особенно со мной, всему важному наученной. До того момента мне казалось, что я достигла состояния неуязвимости. У каждого в шкафу свои скелеты, и мои мне подсказывали, что не стоит привлекать к себе лишнего внимания, потому я никогда не использовала косметику, а одеваться предпочитала очень скромно. На фоне Верочки, моей двоюродной сестры, я выглядела вообще серой тенью.

Дядя Сережа навещал нас в Москве в новогодние праздники. Тогда же неожиданно предложил мне переехать к ним и перевестись в другой институт, где училась его дочь. С ней мы просто обречены стать подружками, а места для еще одного жильца у них дома хватит. Я раньше о подобном не мечтала, но стоило услышать про туристический бизнес, который сулил мне тот самый вуз, как сразу же начала мечтать. Предложил дядя Сережа это, скорее всего, для проформы, отреагировав на мое заявление, что я хотела бы уехать из столицы. Ему просто к слову пришлось, вином и приятной компанией навеялось, – именно так и восприняла моя мама, отмахнувшись. А я зацепилась, буквально надела на маминого брата, едва не насильно принимая его приглашение. В итоге так всё и решилось: ему от своих слов было отказываться совестно, и мама сдалась. В тот момент я не думала о том, что доставлю родне неудобства своим переездом. Мне было настолько невыносимо оставаться, что я наплевала на их неудобство.

Тетя Римма, увидев на пороге не только мужа, но и племянницу с вещами, предсказуемо в восторг не пришла, но развела руками и приняла гостью. Верочка, их единственная дочь, вообще не могла скрыть первого раздражения: ей просто навязали компанию человека, с которым она общалась всего несколько раз за предыдущую жизнь. Мне удалось перевестись в ту же группу, где училась она, разницу я сдала в рекордные сроки. Последнее очень позитивно сказалось на отношении ко мне преподавателей, а одногруппники вообще с легкостью приняли новенькую, которая явно не претендовала на роль королевы вуза. Не клеилось у меня только с Верочкой. Нас с ней роднила одинаковая фамилия, но на этом все сходства заканчивались – если во внешности еще можно было хоть что-то похожее найти, то характеры отличались полярно.

Надо отдать Верочке должное – смирившись с моим присутствием в ее доме и в ее институтской группе, она пыталась найти со мной хоть какой-то общий язык. Из последних сил она втягивала меня в обсуждение стоимости маникюра, клубов или парней, однако сдалась, поскольку я не могла поддерживать ее в этой болтовне. Меня действительно, без преувеличения, не интересовала ни собственная внешность, ни мужчины, ничто из того, что не касалось учебы. Я со своей стороны тоже делала шаги навстречу, объясняя причины такой позиции, но Верочка от моих попыток только хмурилась, так и не понимая:

– Тебя там изнасиловали, что ли?

– Нет, конечно! Вера, ты меня не слушала?

Сестра тут же успокоилась и отмахнулась, потеряв интерес к деталям. Собственно, это и был самый откровенный разговор между нами. После я только кивала и агакала, слушая очередной бред про какого-то красавца Германа, в которого Верочка влюблена со дня поступления. А она кивала и агакала, когда я пыталась увлечь ее разговорами о новом факультативе или интересном проекте. У нас не находилось ни единой точки пересечения интересов, а я уже мысленно желала ей счастья с этим самым парнем, обладателем нерусских имени и фамилии, лишь бы она угомонилась и оставила меня в покое. Верочка была глуповатой и завистливой, но внешне очень миленькой: родственное сходство между нами можно заметить только в одинаковых зеленых глазах, Верочка ниже ростом, зато она могла похвастаться более женственной фигурой, волосы ее рыжее моих, что добавляло ей яркости и очарования, но черты лица – немного пухлые, если не сказать детские – подчеркивали легкую инфантильность и в образе, приводя его в соответствие с характером. Не первая красотка в городе, но умеющая себя преподнести, подчеркнуть достоинства одеждой и макияжем, чего я принципиально не делала. Влюбляются и за меньшее. Вот пусть у сестры личная жизнь так заладится, чтобы ей стало некогда загружать мой мозг ежедневной и абсолютно неперевариваемой информацией о всяких Юрах-Анатолях-Германах. Верочка все это время мне казалась куколкой-пустышкой, на которую только смотреть приятно, сама же я себе виделась скалой, битком набитой драгоценностями, а неказистость наружности лишь прибавляла очков к харизме.

Но жаловаться мне было не на что – первый курс я заканчивала в другом вузе и в другом городе, а ощущала себя так хорошо, будто бы именно здесь и должна была оказаться. Сессия была закрыта на одни пятерки, и радость от этого перекрывала даже тот факт, что через пару дней я собиралась лететь в Москву, чтобы провести каникулы с мамой. Ведь потом я вернусь снова – сюда, где бесконечное море и воздух пахнет неосознаваемым счастьем. И буду рада видеть вечно хмурюю тетю Римму и вечно болтающую о мальчиках Веру, потому что они часть этого нового для меня мира.

Быть может, этот запах и перепутал мои мысли, когда мы возвращались с Верочкой в троллейбусе домой, сдав последний экзамен. Сестра втыкала в телефон, не обращая на меня внимания, а я, не желая садиться на свободное место рядом с ней, стояла и улыбалась улицам, мелькавшим за окнами. И вдруг Верочка сильно вздрогнула, заметно напряглась, вытянулась, прислушиваясь к шумной компании, что вошла в заднюю дверь на предыдущей остановке. Резко повернулась, все сильнее удивляя меня вытягивающимся лицом:

– Ульяна, это же Керн...

Я не поняла ее фразы и переспросить не успела. На меня налетели сзади, обнимая и прижимая к себе. А потом и вовсе поцеловали в висок, выдыхая радостно:

– Иришка, черт тебя возьми, ты когда приехала? Почему не позвонила-то?

Мужчина прижимал меня к себе сильно, не позволяя легко вывернуться. Меня замутило, до судорог скрутило от отвращения, что какое-то постороннее чмо меня лапает, потому и мой рык прозвучал резко, заставляя всех пассажиров покоситься в нашу сторону. После этого я сразу получила свободу, отлетела на пару метров, едва не снеся с ног другого пассажира, и посмотрела на своего обидчика.

Парень, едва ли намного меня старше, удивленно хлопал ресницами чуть темнее русой шевелюры.

– Ой, – единственное, что он сказал после драматической паузы.

– Вот именно, – я чувствовала, как злость отступает, но все же обозначила свое отношение: – Никакая я тебе не Иришка, и не смей меня трогать!

– Ой, – повторил он, уже начиная улыбаться. – А со спины и не отличишь. Извини, пожалуйста. Ой.

Обознался, конечно, перепутал с какой-то знакомой. Потому улыбается теперь так изумленно, тушует и глупо ойкает. Я уже успокоилась, отмахнулась и тоже улыбнулась в ответ:

– Ничего страшного, бывает. Ты тоже извини за реакцию.

Я ждала, когда он наконец-то отойдет и позволит мне встать на прежнее место, но парень все смотрел и улыбался – и, должна признать, улыбался он совершенно очаровательно. Высокий, широкоплечий, русоволосый, глаза – светлые, почти серые. Но такой цвет обычно сильно меняется, в зависимости от одежды, и может колебаться от насыщенного синего до почти бесцветно-

металлического. Однако красивым его делала именно улыбка – открытая, широкая, смущенная. Обескураживающая. Мне кажется, что такие люди могут рождаться только на берегу моря – лишь у детей, выращенных на бескрайнем солнце, бывают такие улыбки, будто впитавшие яркие блики.

– Ты точно не Иришка? – задал он совсем уж нелепый вопрос.

– Точно-точно, – я не могла не улыбаться. Стоило бы снова начать смотреть в окно, потому что пока я смотрела на налётчика – улыбалась, как форменная дура. Хотя, уверена, весь троллейбус улыбался, глядя на него. Очаровательный балбес. Точно очаровательный и точно балбес.

– А кто? Не то чтобы я интересовался, как тебя зовут, но мне срочно надо удостовериться, что ты не Иришка! Потому что на ощупь Иришка.

Позади нас хохотнула какая-то женщина.

– Да не Иришка я!

– А кто? – он добавлял в голос броневой наглости.

– Ульяна, – ответила я, не в силах сопротивляться напору. – Доволен?

– Более чем, – обрадовался он и тут же позвал другим тоном, едва не мурлыкая: – Ульяна!

– Что?

– У меня проблема, Ульяна. Не одолжишь ручку? Черт, мне срочно нужна ручка! Ульяна, ручку или карандаш дай! – он говорил всё громче и быстрее.

Я окончательно растерялась, но порылась в сумке и быстро нашла в кармашке то, что он просил.

– А листок есть? – этот наглец вообще закусил губу и заглядывал ко мне в сумку с видом любопытного ребенка. – Зачем мне карандаш без листа?

Я вынула и блокнот, дернула оттуда лист, протянула. Но парень покачал головой и заявил:

- Нет, сама пиши, у меня руки заняты.

- Чем?

- Вдруг ты падать начнешь, и мне придется тебя ловить. Вот тогда и порадуешься, что я в тот момент всякую ерунду не держал!

- А что я писать-то должна?

- Как что? Свой телефон, конечно.

Теперь к хихикающей женщине присоединилось еще несколько веселых пассажиров. Уже до всех дошел смысл представления. Даже до меня, отчего я невольно начала краснеть. Покачала головой.

- Так ты специально на меня налетел? Извини, но...

Он не сбавлял тона, чем смущал меня еще сильнее:

- Только не говори, что проблема во мне! Если бы каждый раз, когда мне отказывает красивая девушка, я получал сто рублей, то у меня сейчас бы было... сто рублей!

Ему удалось выбить меня из колеи окончательно:

- Красивая девушка?

- Ульяна, срочно, телефон! Ты разве не видишь, что я без твоего телефона совсем пропаду? Уже моя остановка. Решай. Решай за нас обоих, Ульяна!

Давно я определилась, что мне не интересна всякая романтика. Потому не красилась, потому делала всё, чтобы не привлекать к себе внимания. И вот он передо мной – смотрит так, что я просто не могу собраться. И вдруг понимаю –

мне действительно хочется, чтобы он мне позвонил. Наверное, я не успела затюкать в себе ванильные потребности окончательно, а этот симпатичный балбес с очаровательной улыбкой так запросто вытащил их наружу и дал тем самым потребностям право голоса, что я обо всех настройках забыла. Забыла и о том, как раздражалась совсем недавно, когда Верочка влюбленной дурой болтала мне о какой-то сахарной чуши. Я написала цифры и отдала лист ему. Он напоследок сжал его в кулаке, подмигнул и развернулся, чтобы уйти. Странное знакомство – я даже имени его не спросила, так смутилась.

Троллейбус остановился, парень выскочил наружу, а следом за ним вышли еще четверо человек, что стояли на задней площадке. Блондинка взяла его под локоть и звонко засмеялась, поглядывая на меня, а невысокий шатен сказал, ничуть не приглушая голос:

– Десять из десяти, Гер! Да как ты их вообще разводишь?

И тот самый парень ему ответил, не оборачиваясь:

– Боже, храни страшных лохушек! Всё, это была десятая, Мишель, сегодня же перепишешь тачку...

Конец разговора я не расслышала, поскольку двери закрылись. Я все еще глупо улыбалась, больше по инерции, до мозга никак не доходили важные сигналы. Блондинка развернулась на шпильках, увидела меня через стекло и снова разразилась смехом. Вся компания запрыгивала в машину с открытым верхом, которая ждала их на остановке, но парень, взявший у меня номер, задержался – остановился недалеко от урны и броском профессионального баскетболиста, явно рисуясь перед друзьями, отправил туда смятый комок. Я знала, что это листок из моего блокнота, а продолжала улыбаться, потому что все еще не хотела перемещаться в очередной, уже не такой яркий, кадр своей жизни. Как и осмысливать.

Эмоции сползали с моего лица постепенно, теперь я опустила голову, чтобы ни на кого не смотреть. Скорее всего, большинство зрителей тоже поняли, что меня просто развели – некрасиво, грубо, как самую последнюю идиотку. Хуже всего был не сам обман, а моя реакция – ведь именно я была твердо уверена, что застрахована от подобных переживаний. Как так получилось, что я за две минуты забыла, как выгляжу и что меня не интересует ничего, кроме учебы и в

будущем карьеры? Мне было не просто стыдно – больно. Даже не перед посторонними людьми, а перед самой собой неловко до слабеющих коленей. Какие-то придурки просто повеселились, подняли себе настроение за мой счет, и меня это растоптало вместе со всеми моими настройками.

До нашей остановки еще минут десять езды, как бы их пережить. Верочка ожила:

– Это же Керн! – повторила она ту же непонятную фразу.

Я предпочла сделать вид, что беззаботно болтаю с сестрой, а не переживаю о произошедшем.

– Кто? – переспросила тихо.

Вера подскочила, встала рядом со мной и смотрела снизу вверх круглыми от переполнявших эмоций глазами:

– Герман Керн! Ты совсем слепая, Ульяна? Или кроме себя ничего в жизни не видишь?

Я отвесила челюсть, постепенно понимая. Тот самый Герман, в которого Верочка влюблена с первого взгляда? Ну да, ничего так, симпатичный. Правда, мудака.

– Вера, – я говорила едва слышно, впервые ощутив с ней какую-то общность. – Я сейчас сквозь землю готова провалиться, но мне жаль, что он оказался таким...

Но она меня не слышала:

– Сам Герман Керн! В троллейбусе! Ульяна, тебя обнимал сам Керн! Да чем же ты заслужила?

Я растерялась, пытаюсь уловить в ее глазах хоть признаки осмысленности.

– Вера, ты разве не поняла, что он... в смысле, он и его друзья просто надо мной посмеялись?

Сказать это было сложно, все равно что поверх свежей раны новое клеймо припечатать. Но сестре не было дела ни до констатации фактов, ни до моих мучений:

- Почему тебя-то? Никогда в жизни больше не буду сидеть в троллейбусах! Блин, надо было рядом с тобой стоять...

Я медленно перевела взгляд на большое окно и выдохнула с облегчением – конкретно в этом троллейбусе я оказалась не самой большой идиоткой.

После того случая я слушала ее рассказы чуть внимательней. Оказывается, для Верочки и не было секретом поведение Большой восьмерки – Керна и его приятелей, таких же придурков. Учились они в том же институте, в разных группах, нечасто посещали занятия – числились там больше для галочки. Нередко издевались над другими, а иногда и выходили за все допустимые рамки, – и никаких последствий, потому что с деньгами их семей можно выпутаться из любой проблемы, а вуз закрывал глаза на что угодно, если это вовремя подсвечивалось финансовыми вливаниями. В их дружеской компании был и сын мэра, и дочь нефтяного магната, а сам Герман – сын Марка Керна, владельца крупнейшей сети отелей побережья, в том числе и «Грёз русалки».

Два месяца в Москве притупили ощущения от неприятной сцены, там я погрузилась в апатию другой природы. А вернувшись, уже спокойнее воспринимала неприятный инцидент. С Большой восьмеркой я однажды столкнулась в коридоре института – они просто прошли мимо. Я-то замерла, не в силах пошевелиться, но Герман, шагавший впереди, мазнул по мне взглядом, ни на секунду не задержавшись. И тогда я поняла, что он меня не узнал. В смысле, вообще никак – я для него не лохушка, которую он развел на потеху своим друзьям, а вообще никто. Это было обидно, но одновременно успокаивало. Вышло, что мой позор никто не собирался мусолить, потому что Верочка об этом тоже не спешила распространяться – ей-то совсем не хотелось вспоминать, как ее идеальный любимый обнял ее занудную сестренку.

Большая восьмерка хоть и числилась в том же учебном заведении, но со мной и мне подобными практически не пересекалась. Я ненавидела их, но ненавидела на недостижимом расстоянии. В то время как сами они даже не придавали значения моему существованию. Отчего я ненавидела их еще сильнее.

В ненависти я была не одинока, ее поддерживали многие. За исключением Верочки и подобных ей кретинов, которые, наоборот, хотели бы любым образом приблизиться к группе избалованных мерзавцев. Однако я начала замечать, что говорят о них слишком часто, и теперь сама недоумевала, почему же раньше этого не замечала, ведь это была излюбленная тема студенческих сплетен. Оказалось, что мне еще повезло: их проделки иногда были настолько ужасными, что я, можно сказать, вообще ерундой отделалась. Например, в восемнадцать лет Герману Керну подарили дорогущую тачку, на которой он в первую же неделю насмерть сбил человека. Разумеется, богатый родитель откупил сыночка, того даже прав не лишили. В сравнении с подобным мелкие шалости выглядели лишь шалостями.

У Германа в предыстории еще несколько ярких эпизодов упоминалось, но старые дела заботили не так, как новые происшествия, порождающие свежие темы для обсуждений. И даже не захочешь, а все равно будешь в курсе, что Керны опять судятся с Невскими, а их сыновья, Герман и Юрий, остаются лучшими друзьями. Вероятно, тем самым они доводили и собственных отцов, поскольку для их дружбы не придумывалось больше никаких причин: Юра Невский настолько отмороженным идиотом никогда не являлся, потому вообще непонятно, что он забыл в этой компании. Его даже в том самом злополучном троллейбусе не было.

Слухами коридоры наполнились, не ограничиваясь только центральными персонажами. Приходилось узнавать, что Кристина, та самая вечно смеющаяся красавица-блондинка, снова попала в таблоиды с очередным ухажером преклонных лет, который на вид ей в дедушки годится. Или что Кеша-торчок опять торчит, мало его богачи-родители денег угрохали на лечение, чтобы снять наследника семейной индустрии с иглы. Или как близняшки Анжела и Ангелина устроили в коридоре почти порно-сцену, заворожив тем самым всю мужскую половину института, включая директора, – они специально изображают эти нежности на грани инцеста, чтобы доводить всех подряд. Или о том, как Анатолий с Мишелем улетели в Мёлльталь прямо в конце семестра, в очередной раз всем показав, как именно забивается болт на институтские правила. И уже там сын мэра сломал ногу – собственно, именно с этого происшествия и открылся путь в «Грёзы» для меня.

Да, присутствие в отеле семи из Большой восьмерки несколько удручает, но я не позволю радости потухнуть из-за такой мелочи. Понятно же, что они туда едут не ради практики или трудового стажа, будут только отдыхать и выносить мозги постояльцам. Мне со своей стороны остается придерживаться той же стратегии,

которая работала целый год после нашего знакомства: ненавидеть, но на расстоянии, и никогда ни по каким вопросам не пересекаться.

Итак, я переехала к морю для того, чтобы получить самую лучшую на свете специальность. И теперь у меня есть возможность почти три месяца провести в «Грёзах русалки» на практике, что для обычной студентки можно считать прорывом. Вряд ли потом я скажу, что моя жизнь не повернула наконец-то в лучшую сторону. Спасибо Галине Петровне, для которой «все студенты – ее дети», но в первую очередь она все-таки подумала о рейтинге успеваемости.

Глава 2. Куда ж без Верочки?

Я должна была это предвидеть!

Стоило сообщить Вере о том, что меня уже оформляют в «Грёзы», как она зависла: просто застыла в воздухе и никак не могла сфокусировать взгляд. А как сумела снова двигаться, бросилась ко мне буквально в ноги и завизжала, оглушая ультразвуком:

– Сестра, сестреночка... господи! Ульяна, как же повезло! Я всегда знала, что твоя учеба поможет! Боже, если бы у любых действий всегда были такие результаты, я бы сама из институтской библиотеки не вылезала!

Я ненадолго опешила – никак не укладывалось в голове, что Вера так искренне за кого-то радуется. Не слишком вписывается такое в ее характер. Так я и недоумевала ровнехонько до той секунды, пока она не сформулировала свой восторг окончательно:

– Договорись обо мне! Ты же договоришься, правда? Перезвони Галинычу, – так студенты называли нашу завкафедрой. – Для нее мы все как дети, а уж сестренку лучшей студентки она точно пристроит!

– Э-э-э, – тянула я, осторожно отодвигая от себя девушку. – Никого она не пристроит, с чего ты взяла?

Верочка округлила зеленые глазища, поднырнула снизу так, чтобы глядеть на меня как можно жалобнее.

– Ульяна, а кого тебе еще пристраивать? У тебя ж никаких друзей здесь нет, кроме меня?

Строго говоря, и она никогда не была. Но сейчас не об этом:

– Да с чего ты взяла, что Галина Петровна сможет выбить еще одно место?! – я уже кричала, не в силах осмыслить ее просьбу целиком.

Но Вера своему репертуару не изменяла – она ничего не видела и не слышала, если уже погрузилась в свои желания:

– Да раз уж «Грёзы» выделили восемь мест, то выделяют и девять! У них там тысячный штат, одной лишней и не заметят!

Поняв, что разумные аргументы бессильны, я просто открывала и закрывала рот. С растущим отчаянием я только слушала, что именно обязана сказать Галине Петровне, в каком месте разговора разреветься, чтобы ее разжалобить, и что Вера за такую услугу мне будет по гроб жизни обязана. Мне ее обязанность была без надобности, что сестра и прочитала в моем взгляде, потому и перешла к открытым угрозам – мол, если я отправлюсь на практику, вышвырнув ее за борт, то такого она мне уже никогда не забудет. И если до сих пор терпела мое присутствие, то только потому, что мы родня. И как раз в моей власти продемонстрировать, считаю ли я ее своей родней тоже.

Она чередовала кнуты, пряники и давление на гниль. Дошло до того, что я уже была готова просто отказаться от этого места, лишь бы туда взяли Верочку. Так ведь все равно же не возьмут! Прямым текстом было сказано, что следующим в списке претендентов стоит Михайлов, ему и предложат. Чтобы очередь дошла до Верочки, половина нашего факультета должна отказаться, предоставив ей дорогу. Все это я говорила, повторяла и старалась не выходить из себя, – и все равно не была услышана.

Хуже стало, когда с работы вернулась тетя Римма, преспокойно выслушала истерику дочери и посмотрела на меня строже, чем смотрела до сих пор.

– Хватит уже визжать, Верочка, – обратилась она к дочери, но не отрывала пристального взгляда от моего лица. – Ты же двоюродной сестре даже думать не даешь. Разумеется, Ульяна сделает все возможное, чтобы и тебя приняли в такое место. Мы семья, а в семье именно так и поступают.

Она впервые вспомнила о семье за полтора года моего пребывания здесь. Отношения между нами оставались холодными. Конечно, мама присылала деньги, я не питалась за счет родни, но все равно их стесняла своим присутствием. Тетя Римма никогда об этом раньше прямо не заговаривала – я просто чувствовала, но и не винила ее: никто не обязан радоваться, когда к нему в дом какую-то воду на киселе поселяют. Всегда до сих пор я полагала, что она сделала для меня больше, чем была обязана, и теперь не находилась с ответом. Тетя Римма все так же бесконечно спокойно продолжила:

– Ульяна, не хотелось бы вспоминать старое, но все-таки это мы не задали тебе ни единого вопроса, когда поселили у себя. Даже ни разу не спросили, что ты там в Москве натворила, раз так спешила оттуда убраться. Сейчас Верочке нужна твоя помощь, так странно ли, что она после всего от тебя этой самой помощи ждет?

Если ее дочь давила беспорядочно, то эта женщина сразу взяла быка за рога. И ведь нельзя сказать, что она хоть в чем-то приврала: ей в самом деле просто навязали племянницу, и она в самом деле никогда лишних вопросов не задавала. А что встала на сторону дочери – так кто бы на ее месте не встал? В такой атаке я выиграть и не могла:

– Я позвоню Галине Петровне, спрошу у нее. Но, пожалуйста, не расстраивайтесь, если она откажет...

Тетя Римма легко отмахнулась:

– На большее мы и не рассчитывали!

Рассчитывали, конечно. Мне даже звонить заведующей с таким вопросом было стыдно, и уж я точно могла предположить, какую реакцию получу в случае отказа. А в том, что мне откажут, я и не сомневалась.

Я не ошиблась:

– Васнецова, ты там от радости умом тронулась? Может, пусть Михайлов поезжает, а тебе лучше проконсультироваться с медиками?

Во мне никогда не было столько наглости, чтобы и после этого продолжать. И я бы попрощалась, если бы на моей руке во время этого телефонного разговора не висела Верочка, постепенно расширяя глаза до невообразимой окружности и начиная жалобно поскуливать. Я решила сделать невозможное – то есть выставить себя еще большей дурой, хотя говорила монотонно, не в силах еще и какие-то эмоции изображать:

– Галина Петровна. Пожалуйста. Неужели нет никакой возможности вписать на практику еще и Веру? Нет? Жаль.

На это заявление женщина рассмеялась, я безнадежно развела руками, но Верочка не сдалась – подтянулась к трубке и заголосила:

– Галиночка Петровна, пожалуйста! Вы хотя бы позвоните им, спросите!

– И тебе здравствуй, Васнецова! – поздоровалась завкафедрой и с Верой, хотя тон ее быстро изменился, стал холоднее – видимо, и до нее уже дошло, что этот абсурд будет продолжаться, пока его не остановят усилием воли. Сама она его и остановила, не скрывая злорадства: – Я бы позвонила, да вот только чувствую, что на слово вы мне в отказ не поверите. Потому берите и звоните сами!

– Кому? – от такого поворота даже Вера опешила. – Самому директору, Марку Александровичу?

– Зачем же? – женщина ехидно над нами издевалась. – Герману Марковичу, конечно. Раз уж он всех своих друзей смог пристроить, то в его власти пристроить и еще одного человека. Марк Александрович, может, и в следующем году для наших студентов места выделит, не будем ему уже сейчас показывать, что мы неблагодарные идиоты.

– Герману... Марковичу? – Верочка запнулась.

– Ага, – бессердечно добила Галина Петровна. – Ваша судьба в ваших руках, девочки, а мое имя даже не упоминайте!

Она отключила вызов, и уже через полминуты напряженной тишины сообщением пришел телефонный номер со смайликом на конце. Представляю, как Галина Петровна сейчас над нашими терзаниями ржет. Я сообразила быстрее, швырнув телефон в руки сестренке, и поставила точку:

– Ну всё, теперь дело за тобой!

Верочке деваться было некуда. Но она настолько оцепенела от невозможности выбраться из тупика, что забыла обрадоваться неожиданному получению личного номера своего любимого Германа. Даже ей, с ее-то влюбленностью и не особенной природной одаренностью, было понятно, в каком направлении ее пошлет такой приятный человек, как Герман Маркович Керн, посмей она обратиться к нему с просьбой. Вообще с любой просьбой.

Вере хватило ума не звонить. Она очень протяжно, как побитый щенок, поскуливала себе под нос от безысходности, но сжала пухлые губы и время от времени качала головой, поглядывая на мой мобильник, будто бы саму себя останавливала. А потом с грустненьким-грустненьким личиком поплелась из комнаты, – и это я посчитала финальной точкой. Теперь только сессию закрыть, в «Грёзы» укатить, а по возвращении, возможно, буря уже уляжется...

Да где уж там! Буря и до моего отъезда только набирала обороты. Верочка следующим же вечером поймала меня в комнате, больно схватила за локоть и задышала в лицо с горячечным жаром:

– Ульяна, она нам не просто разрешила позвонить – Галина Петровна, можно сказать, нам задание дала!

– Ну да, – я обреченно поглядывала на конспекты, которые придется отложить, пока сестра опять не придет во вчерашний ступор. – Тогда бери и звони, я ведь не отговариваю.

– Герману?! – заорала она на меня с такого расстояния, будто собиралась укусить сразу за все лицо. – Он же и слушать не станет! А если и выслушает, то точно не согласится! Зато может разозлиться и запомнить – и тогда крест на нашем романтическом будущем!

Я скептически ухмыльнулась:

– Не хотелось бы тебя расстраивать, Вера, по поводу романтического будущего, но...

Вот только оказалось, что у сестры уже созрел план:

– Но Галина Петровна прямым текстом распорядилась, чтобы мы позвонили! И мы позвоним!

– Герману? – на этот раз спросила я, чувствуя себя полной дурой.

– Нет, конечно! Юре Невскому! – она победоносно вынула из кармана какой-то листок. – Я сегодня всех друзей подняла, а они своих друзей, а те своих... ну, ты поняла. И теперь у меня есть номер лучшего друга Германа. И даже ты должна быть в курсе, что с Невским можно договориться. Да, вероятность отказа та же, но зато мы после этого не попадем в черный список жертв, над которыми будут измываться до самого выпускного! Понимаешь, Ульяна? Я нашла выход, при котором мы ничего не теряем! Так что бери и звони!

Мне удалось оторвать ее руки от моей одежды и отступить на шаг.

– Почему я?

– Потому что... – Верочка начала гневно, но вдруг сбавила тон, сцепила руки в замок, будто собиралась умолять, и запричитала: – Потому что только так может что-то выгореть. Ульяна, тебя уже приняли и именно тебе посоветовали позвонить, а я, выходит, никто – и никаким боком пока к «Грёзам» не отношусь... И если он откажет, то уже всё, я просто лягу и умру. Понимаешь? Ты понимаешь, что это, быть может, мой первый и последний шанс оказаться к Герману так близко? Ты, бесчувственная заучка, которой нет дела до чужих сердечных мук, хотя бы представить способна, как сильно все мое счастье зависит от того, что ответит Юра?

– Ты каждую бесчувственную заучку разжалобить сумеешь...

– Лягу и умру! Прямо здесь!

Безнадежна. У Верочки крыша не просто съехала, но еще и к земле гвоздями приколотилась, чтобы никаких шансов не осталось вернуть ее на место. Я взяла у нее из рук телефон с уже набранным номером, соображая, что скажу. Скорее всего, он просто посмеется, но виноватой после этого я себя чувствовать откажусь. Плохого о нем я знала только то, что он лучший друг Керна. Так что вроде бы Верочка права – я ничем не рискую. Зато будет надежда, что помирать она уйдет в другую комнату, ведь ко мне претензии должны иссякнуть.

Глава 3. Невского в президенты!

Юра ответил почти сразу:

– Кристина, это уже реально не смешно. У меня полтора процента зарядки!

Похоже, мой звонок пришелся не вовремя. Но отступить было уже поздно:

– Юра, здравствуй. Мы не знакомы...

– У тебя совесть есть? Ты как будто цель поставила меня задолбать.

– Я не Кристина, если ты...

Он перебил:

– Ну-ка, еще раз повтори.

По смыслу во фразе содержался наезд, но тон был мягким. Потому я просто промямлила снова:

– Юра, мы не знакомы, меня зовут Ульяна.

– Не Кристина? – его тон изменился. Вероятно, и повторить он просил только лишь для того, чтобы лучше услышать мой голос. Но вкрадчиво уточнил: – И не от Кристины?

– Нет, – я усмехнулась. – Меня зовут Ульяна, и я звоню по очень важному вопросу, – я перевела взгляд на Верочку, которая даже не дышала, а по громкой связи слышала весь разговор. Быстро вдохнула и затараторила, чтобы не дать самой себе возможности передумать. – Юра, я еду на практику в «Грёзы русалки», а надо туда еще и Веру. Так Галина Петровна сказала! Хотя сказала она совсем не так, но суть не в этом. Я решила спросить, сможешь ли ты помочь. Она моя сестра, а я... просто решила обнаглеть... ради сестренки! Понимаешь?

– Даже близко нет, – ответил он без паузы. – Я вот прямо сейчас пытаюсь припарковаться на перекрестке Теркина и Маркса, если ты понимаешь степень моего гемора. А еще через минуту у меня или телефон сядет, или вечернее занятие начнется. В общем, у тебя секунд тридцать.

– Чтобы объяснить?

– Наоборот. Чтобы понять. Тебя неправильно информировали. «Грёзы» – это не наш отель, и каждый в городе знает, что побережье практически разделено надвое – Керны направо, Невские налево. В смысле, всё восточное направление – это не ко мне, это скорее к Герману. Скинуть номер? – он несколько секунд подумал. – Хотя он просто проржется, даже слушать не станет про твою сестренку... Ну если только твоя сестренка не топ-модель. Она не топ-модель?

– Нет.

– Тогда советую даже не соваться. Герман козлина, сбить с толку его можно только о-очень длинными ногами. И то ненадолго. И то, если сестренку совсем не жалко. Я бы ему свою сестренку не доверил. Собственно, каждый день благодарю судьбу, что у меня ее нет.

Мне он уже нравился! Они точно лучшие друзья? Я невольно начала улыбаться:

– Именно поэтому я и звоню тебе, Юра. Ни за что не решилась бы тебя беспокоить, но ты сам сформулировал очень верно. Боюсь, тут или с твоей помощью, или вообще никак. Видишь ли, для нас с сестрой практика в «Грёзах» – это за гранью мечты.

– Не знаю, могу ли я что-то сделать... – он обрадовал хотя бы тем, что все еще не послал, а всерьез задумался. – Слушай, Ульяна же, да? Давай для начала попробуем...

И всё, в трубке вдруг повисла тишина. Повторный набор подсказал, что сбылось самое пессимистичное предсказание, и прямо сейчас продолжить разговор не получится. Я, честно говоря, увидела надежду – судя по всему, с Юрой можно поговорить об этом и завтра. Но Верочка вдохновилась до надежды совсем другого уровня: она подскочила на месте и завизжала от счастья:

– Мы были правы, он все устроит! Только надо ковать, пока горячо! Поезжай туда и добей!

– К... куда?

Верочка вытаращилась на меня, как на полоумную.

– Ты почему такая медленная-то, Ульяна? Неужели у тебя весь мозг на учебу израсходовался, а на жизнь ничегошеньки не осталось? Тебя же прямым текстом пригласили – к учебному центру на перекрестке Маркса и Теркина. Занятие длится не больше часа, скорее всего, как раз успеешь собраться и спокойно доехать. Так даже лучше! При личной беседе куда больше шансов разжалобить и убедить. Ты ведь в лицо Невского знаешь?

– В... видела.

– Ну так и чего расселась? Вставай скорее! Надо успеть накраситься.

Я кое-как ожила:

– Это еще зачем? Я же не крашусь.

– Один раз нужно – тебе же разжалобить и убедить... Хм, кстати, никогда не замечала, какая ты у меня симпатичная... Ну, не в полном смысле этого слова, возрадуемся, что хоть все части лица на месте. Сейчас немножко глазки подчеркнем, ты кого хочешь потом в «Грёзы» устроишь!

До меня дошло, что я не просто убеждать Юру должна, а практически обольщать. Потому и вложила в следующую фразу весь накопленный сарказм:

- Вера, я тебя на практику через постель устраивать должна?

Но она юмора не уловила и ответила предельно серьезно:

- Надеюсь, что не придется. Да и не накрасим мы тебя до такого уровня. К Невскому по этому вопросу, наверное, очередь длиннее, чем по всем остальным. Мы с тобой в другой очереди стоим, Ульяна, так что не раскатывай губу.

Разумные аргументы у меня закончились еще вчера, а теперь и силы оставили. Я просто отшвырнула от себя Верочку вместе с ее тушью, схватила сумку и рванула на выход:

- Лучше поспешу, чтобы успеть!

Только так у меня был шанс отделаться малой кровью. Совсем отделаться от Верочки шансов уже давно не осталось.

Я минут двадцать мялась возле арки – входа в центр, где проводились платные курсы по всем отраслям и специальностям, известным человечеству. И даже не надеялась, что пропущу Юру. Сегодня пропущу, завтра придется его снова дергать. Завтра не дерну, так мне жизнь медом вообще не покажется. А мне еще и сессию сдавать, готовиться когда-то, в перерывах между основной работой по трудоустройству рыжей бестии.

Когда увидела его выходящим из центральной двери, не удивилась, не обрадовалась и не расстроилась. Просто зашагала наперерез, остановилась перед ним, хмуро посмотрела снизу вверх, дожидаясь, когда и он обратит на меня внимание. Юру Невского можно назвать очень симпатичным – он чуть выше Германа, но стройнее, изящнее, брюнет с глубокими, умными глазами. Черты лица немного острые, тонкие, такой типаж часто дополняют очками в изящной золотой оправе, чтобы уж окончательно довершить картинку. Юра очков не носил, но и без них выглядел образцом интеллигентности, в очках бы он с ног сносил. Карие глаза замерли на моем лице, а темная бровь поползла вверх.

– Я Ульяна, – призналась обреченно. И совсем уж обреченно выдавила: – И я не справлюсь без твоей помощи.

– Та самая?

– Боюсь, что да, – я больше не могла смотреть ему в глаза, было очень стыдно. – И я не сталкерша. В смысле, сталкерша, как видишь, но со мной такое впервые.

– Лишь бы не вошло в привычку, – он, кажется, начал улыбаться.

– Лишь бы не вошло, – покорно согласилась я.

Он кивнул и направил меня к стоянке. Сначала дождался, пока усядусь в машину, затем внимательно выслушал всю историю. Я даже не утаила тот факт, что считаю себя обязанной родственникам, которые приютили меня. И о том, что семья Верочки, как и сама я, никогда не получит другого подобного шанса. В общем, была максимально искренна, надеюсь именно этим до него достучаться. Хотя от стыда уже была вся красная, а смотреть предпочитала на свои руки.

Юра думал долго, а я тихо радовалась, что хотя бы не прогонял.

– То есть ты хочешь, чтобы я попытался уговорить Германа? – переспросил он, хотя уже и так все понял. – Это не слишком просто. Тебя, скорее всего, в хозчасть оформляют, там же все предельно на каждую штатную единицу подбито. А вас двоих если и пристроят, то... я даже не знаю кем.

– Да кем угодно. Я уже буду рада, если нам просто рядом с окнами разрешат постоять.

Я устала до такой степени, что сейчас обрадовалась бы даже отказу. Только бы завершить стыдный разговор, вернуться домой и забраться с головой под одеяло. И плевать, что под тем же одеялом со мной наверняка окажется и Верочка.

– В общем, я попробую, – вдруг сказал Юра и серьезно добавил: – Но только при одном условии. Сама понимаешь, услуга очень большая, грандиозная, бесплатно такие вещи не делаются.

Я от изумления глянула на него и удивилась – оказывается, он улыбался, глядя на меня. Про грандиозность услуги мог бы и не говорить, я и без того все понимала. Но теперь просто нахмурилась, ожидая продолжения. И Юра озвучил свое требование:

– Если у меня получится тебе помочь, Ульяна, то ты прямо сейчас обязуешься, что выполнишь любое мое желание. Без вопросов и обсуждений.

– А-а... – растерялась я. – Если только это желание не будет связано с чем-то вопиющим...

– Список вопиющего сейчас обсудим? – он явно иронизировал. – Нет, ничего такого, что ты сама ни при каких обстоятельствах бы не сделала. Просто мне нужно, чтобы в тот момент ты не задавала вопросов. Договорились?

– Договорились, – неуверенно ответила я, не совсем понимая, что он имеет в виду, но притом и не чувствуя угрозы. В конце концов, не кровью же контракт подписываю.

Его сотовый лежал на панели, подключенный зарядкой к подкуривателю. Юра медленно взял аппарат, включил. Я сразу же перестала переживать о его условии и затаила дыхание, наш договор будет иметь смысл только в том случае, если Юра каким-то образом сумеет договориться...

В салоне было тихо, я слышала все слова его собеседника, который взял трубку после первого сигнала. Они даже не поздоровались, Юра поразил меня отсутствием каких бы то ни было предисловий:

– Герман, в «Грёзы» надо студентку на лето пристроить, чтобы засчитали как стаж. Вера Васнецова, закончила второй курс, специальность «Туризм и отельный бизнес». Запиши хоть фамилию.

Голос Германа Керна не ассоциировался у меня ни с чем хорошим:

– Не грузи лишней инфой, пристроена твоя подружка. А если она там еще и работать будет, так меня отец ваще в обе ягодицы расцелует.

– Спасибо.

– Да похрен, Юр. Но я против того, чтобы в Тулу со своими самоварами ездить. В смысле, на кой хрен тебе там подружка? Но дело твое. А этой Миле респект за наглость.

– Вере.

– Да похрен. До завтра.

– Давай.

Вот и весь разговор. После которого Юра завел машину и глянул иронично на меня. Я никак не могла поверить:

– И всё?! Я-то думала, что его придется... да хотя бы десять секунд уговаривать! И это та самая грандиозная услуга?

– Почему же? Я тебя еще и домой отвезу. Куда ехать? Ульяна, мы в институте ни разу, что ли, не пересекались? Хотя у меня же факультет другой...

Я назвала адрес, а сама не знала, как себя ощущаю: я добилась цели, но радость моя направилась совсем в другое русло. Мне почему-то очень понравилось ехать с Юрой в одной машине и обмениваться бессмысленными репликами. Все лучше, чем оказаться дома, а уже там быть задушенной от радости.

Глава 4. Мечты сбываются! Или нет

В день закрытия сессии я была довольна – все позади, Верочка с тетей Риммой перестали кушать мне мозги, даже Галина Петровна, с которой я пересеклась в коридоре, поперемигивалась со мной восторженно. Я-то думала, что это она меня с безболезненным трудоустройством сестры поздравляет, но заведующая кафедрой потрясла свежей ведомостью с последнего экзамена, в которой у меня стояла пятерка – единственная из всей группы.

А вот по поводу трудоустройства она имела совсем другое мнение, никак не связанное с радостным перемигиванием. Галина Петровна посуровела, поджала губы и сообщила:

– Документы уже вчера отправила, завтра в девять утра вас там встретят. Поздравляю.

Я озвучила то, что не могла проигнорировать:

– Что-то вы так поздравляете, как будто осуждаете меня за такое решение.

– Ни в коем случае, Васнецова, – женщина подалась ко мне и, похлопывая по плечу, проникновенно добавила: – Вы мне все как дети, за каждого радуюсь! И никогда не делю детей на умниц и Верочек! – брякнула она и совсем-совсем тихо, я даже не могла быть уверенной, что мне не послышалось, добавила: – Лишь бы не было войны.

Суть последней пафосной фразы от меня напрочь ускользнула, но настроение зашкаливало, и я не собиралась чьим-то чужим странностям на него влиять.

В полседьмого утра мы уже стояли на автобусной остановке, чтобы отправиться в «Грезы русалки». Дядя Сережа предлагал подвезти нас, но Верочка отчего-то наотрез отказалась. Это было странно хотя бы потому, что багаж ее исчислялся тремя чемоданами, с которыми корячиться в такую даль на общественном транспорте, как минимум, несподручно.

Но я помалкивала, тетя Римма бесконечно обнимала дочь, впервые так надолго улетающую из-под материнского крыла, а я думала о машине дяди Сережи – старом жигуленке, который он выгонял из гаража лишь по большим праздникам. За несколько минут до выхода я все-таки поинтересовалась у двоюродной сестры, почему она отказалась от отцовской помощи, на что мне был дан ответ: «Ты совсем ничего в жизни не понимаешь, Ульяна. Лучше явиться на автобусе. А если придется объяснять заинтересованным, то отмахнуться – мол, папин мерседес как раз на ремонте, чем явиться сразу на жигулях, после которых никаких заинтересованных не останется. У нас с тобой имидж бедных, но благородных дев, а жигули – это уже за гранью бедности. Не благодари, сестренка, но за мной записывай».

И вот теперь, уже стоя в той точке отсчета, из которой назад дороги нет, я все думала о том, кто же такие – эти самые заинтересованные. И зачем нам с Верочкой какой-то имидж, если мы работать едем... Да перед кем она там вообще собралась из себя кого-то строить? Но даже до меня, в самом деле в жизни мало чего понимающей, постепенно доходило – перед кем. И как раз по мере того, как доходило, спина моя покрывалась неприятными холодными мурашками нарастающего ужаса. Теперь и слова Галины Петровны начали принимать пока размытый, но уже неприятный контекст. Я бросила еще один взгляд на три чемодана сестры и сильно вздрогнула, вдруг со всей очевидностью поняв важное: Верочка два года пассивно терпела свою влюбленность, ровным счетом ничего в этом направлении не предпринимала, потому что не видела ни единой перспективы, но именно сегодня начинается активный период ее биографии. Не знаю, кого мне будет меньше жаль в этой схватке – ее или Германа.

Но где-то неподалеку буду я.

Я, которая с Большой восьмеркой надеялась вообще никак не пересекаться.

Интересно, можно ли попросить поселить меня в отдельном от сестры корпусе?

Лишь бы не было войны. Допускаю только мелкую партизанщину против зажавшихся избалованных кретинов, но никакой открытой конфронтации. Бли-и-ин, чем я думала, когда в свой партизанский отряд брала Верочку?

Как раз на этой пессимистичной мысли подошел автобус.

Лето в этих краях будто вообще никогда до конца не заканчивается – просто отступает на время, дает ветрам немного прогуляться и пробраться до костей прохожих, а потом снова накрывает землю теплым куполом. Я уже привычно отличала лето весеннее или лето осеннее, но, разумеется, самым жарким оставалось лето летнее – иногда настолько жгучее, что без привычки утомляло.

И все плохое, что я могла думать об этом климате, собралось в душном автобусе. Зато стоило его покинуть, как захотелось задрать лицо к небу, раскинуть руки и расхохотаться в лицо солнцу. Еще и девяти нет, а оно уже жарит, вот только море разбавляет это марево бризом. Как же хорошо! Как я могла родиться в тысяче километров к северу от самого лучшего места на земле? Верочка мою

эйфорию никак не комментировала, она и раньше считала меня странной, одной нелепостью больше, одной меньше.

Нас встречала суховатая, поджарая, как гончая, женщина неопределенного возраста – таких никто не считает молодыми, но и старухами они не выглядят из-за подчеркнутой ухоженности. А редкие мелкие морщинки только сбивают с толку, то убавляя, то прибавляя им лет, в зависимости от текущей эмоции.

– Васнецовы? – издали окликнула она и замахала нам. Продолжила, когда подошли, но почти так же громко: – Меня зовут Карина Петровна! Я буду вашей начальницей. Запомнили? Карина Петровна! – она говорила так, будто обращалась к умственно отсталым, но притом очень мягко улыбалась и покачивала головой вместе со всем телом. – Я здесь уже двадцать два года работаю, мне все как дети. А вы у нас, выходит, самые новенькие, потому будьте уверены, без внимания вас не оставлю!

Мы с Верочкой переглянулись, определенно подумав об одном и том же: перед нами стояла почти копия нашей Галины Петровны, даже внешнее сходство налицо. И орет примерно так же, и терминологию поддерживает. Вот только прическа у этой совсем старомодная – залакированные букли против залакированного пучка на затылке нашей заведующей. И одета эта в длинное платье с белым фартуком, что идет на пользу образу и подчеркивает тонкую фигуру. Но в остальном – Галина Петровна как есть, версия два-ноль. Я посчитала это карикатурное сходство добрым знаком, Верочка едва не рассмеялась вслух, но и ей хватило ума вежливо поздороваться и слушать дальше.

Что уж говорить, «Грезы русалки» в натуральную величину превзошли все фотографии на рекламных буклетах. Импозантные строения, окруженные осанистыми оградами. Стоило их миновать, как глаза заплясали от точки к точке, не имея возможности ни на чем остановиться. Зеленые лужайки, круглые искусственные водоемы с утками, фонтаны, статуи, дорожки, каменные скамейки и здания-полудворцы, затмевающие все предыдущее великолепие. Царящая вокруг роскошь почти парализовывала, подавляла. Не знаю уж, о чем думала сестра, но мне в тот момент казалось, что я не должна была оказаться в таком месте. Мне одного моря вперемешку с солнцем для счастья достаточно, а такая красота отпечатывается в психике насильно, навсегда, – нельзя месяц-другой пожить посреди нее, а потом вдруг вернуться в город и сделать вид, что все в порядке. После настолько вопиющей красоты буквально все покажется

немного серым.

Ожила Верочка только тогда, когда Карина Петровна, показывая и объясняя нам расположение всех корпусов и хозяйственных блоков, перешла к главному – нашим обязанностям:

– Сегодня просто осмотритесь, форму вам в течение дня доставят, – ее глаза сверкнули озорством, когда она посмотрела на тот чемодан, что несла я. Вера физически не смогла бы нести все свои вещи, а моя спортивная сумка прекрасно и на плече висела. – Представляю ваше разочарование, но вряд ли вам понадобится такой арсенал нарядов, поскольку одежда здесь форменная. На глаза постояльцам не попадайтесь, ни в каких общих залах чтобы и духа вашего не было. Я не угрожаю, девочки, но все-таки угрожаю: это требование касается всего персонала, а не только вас. А завтра в шесть утра жду вас на первом этаже, – она указала рукой на хозяйственную часть, где и нам выделили комнаты, – начнете с уборки комнат...

– Что?! – не удержалась Верочка. – Уборки?

Карина Петровна легко, как кукла на вертикальной подставке, крутанулась вокруг оси и вонзилась в нее неожиданно стальным взглядом – после этого я окончательно убедилась в полной идентичности с нашей завкафедрой:

– А что не так, дорогая? Или ты рассчитывала, что тебя сразу в кабинет гендиректора за его стол посадят?

– Н-нет... – растерялась Вера, краснея.

Карина Петровна тут же всплеснула руками, убрала из тона давящую тяжесть и продолжила давить теперь с той же мягкой улыбкой:

– Вначале мне из института бумаги на одного человека прислали, я решила определить в хозчасть. Но я прикинула, что вам будет проще адаптироваться, если вы станете заниматься одной работой и друг другу помогать. А потом посмотрим. Можно ведь работенку и погрязнее найти, а может, и найду, если другой не будет. Но если вам что-то не нравится, то будьте уверены...

– Все нам нравится! – сообразила Вера.

– Да, – я тоже расслышала ультиматум, потому решила поддержать. – Спасибо, Карина Петровна.

Комнату нам выделили одну на двоих, на шестом этаже крайнего здания. И помещение не отражало ни капли царящей за окнами роскоши: просто комната с двумя кроватями, застеленными серыми покрывалами, и минимумом мебели. Чемоданы Верочки тут же заставили все свободное пространство между, а мы молча опустили на кровати, тем самым выбрав каждая свою.

– Вот и устроились! – решила я нарушить тишину, добавив в тон той самой радости, которая не покидала нас обеих все последние дни.

Но Вера покачала головой, не отрывая взгляда от пола.

– Если Герман увидит меня в платье горничной, то это конец.

Мне ее терзания уже стали смешны:

– А ты кем собиралась притвориться? Гостьей президентского номера? Вера, очнись! Герман как до сегодняшнего дня был для тебя недостижим, так и остался. Я все еще надеюсь, что мы с ним ни разу не встретимся!

Она пару минут удрученно пялилась на свои коленки, а потом вдруг резко встала. Я удивилась, заметив на ее губах расширяющуюся улыбку. Вера ухватила первый чемодан за ручку, потянула на себя, чтобы начать разбирать вещи. И ошарашила меня еще сильнее:

– Хотя для начала надо увидеть, что там за форма. Вряд ли какое-то убожество. Это же «Грёзы»! Мужские фантазии без формы горничной не обходятся, а сказка о Золушке никогда не потеряет своей актуальности, потому что из миллиона неудач всегда случается один выстрел!

Признаться честно, я в эту секунду совсем немного ею восхитилась. Все-таки нужно признать, что в характере Веры есть достоинство: если она выбрала цель, то просто сжимает в кулаке все важное, игнорирует вторичное, и прет, прет,

прет, невзирая на логику и здравый смысл. И плевать, что рядом летят ошметки случайно оказавшихся поблизости жертв. Плевать, что выглядит она иногда абсолютной дурой. Главное – переть, переть...

Хотя нет, моего восхищения на вторую секунду уже не хватило.

Глава 5. Кранты курортной жизни

– А-а-а-а...

Короткий вдох и медленный, вибрирующий выдох, на грани стона, после которого можно проходить кастинг на озвучку порнофильмов:

– А-а-а-а-а... А-а-а-хренеть.

Любой из вас мог бы решить, что столь неприличный звук издала моя двоюродная сестра, но вынуждена покаяться – это была я. Хотя каюсь в этом без особых угрызений совести, ибо каждый на моем месте выдал бы нечто подобное, если не хуже. Верочка, например, вообще захлебывалась восторженными матами, точно так же припав сплюсненным носом к стеклу.

У нас наконец-то выдалась свободная минутка, потому мы с Верой, не сговариваясь, прибежали сюда ради восторженного припечатывания лицами к стеклу.

А до того момента нам пришлось попотеть. Вчера мы с Верой сгоняли к морю, немного прошерстили окрестности, в столовую и на прогулки ходили закутками, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Верочка даже не думала выкинуть чего-нибудь эдакого – и она понимала, что стоит накосячить сразу по приезде, до того, как себя зарекомендуем, и вылетим еще до оглашения трудовых обязанностей. Поскольку она так запросто согласилась с этим доводом, я пришла в уверенность, что не все потеряно. Каждый день буду кормить ее подобными байками, а там, глядишь, уже и лету конец.

А вот сегодня с шести утра мы осваивали нехитрые навыки скоростной и идеальной уборки комнат под чутким – если не сказать жутким – руководством Карины Петровны.

– Убираете, когда в комнате нет гостей. И всегда помните, что они могут вернуться в любую секунду – то есть чем меньше времени займет уборка, тем лучше. Воспринимайте это как игру: если вас поймали, то вы вроде как проиграли. Нет, конечно, за такое никто не уволит, но в этом случае улыбайтесь и смущайтесь перед клиентами так, словно от вашего смущения вся ваша зарплата зависит. У девочек на ресепшене табло смотрите, там отмечены номера, ключи от которых сдали.

– А если клиент не захочет выходить из номера день, другой, третий? – Верочка задала вполне закономерный вопрос, мне тоже было интересно. – То что же делать – выманивать?

Карина Петровна разразилась грудным смехом, однако этой фривольности не позволила продолжаться долго, зато ответила с появившимся задором:

– Даже представлять не хочу, как ты его выманивать будешь! Нет, конечно! Такие номера тоже убираем раз в день, но если на ручке не висит табличка «Не беспокоить», – она указала как раз на такую, когда мы проходили мимо очередной комнаты.

– А если табличка висит? – не унималась Верочка. – День висит, два, три...

Карина Петровна крутанулась к нам, моментально оказавшись перед нашими лицами и заставив сильно вздрогнуть, затем ответила:

– Тогда нюхаете. Подходите к двери и под видом протирания панелей нюхаете. В случае появления постороннего запаха сообщаете девочкам на ресепшене.

– Какого еще запаха?

И одновременно с Верочкой спросила и я:

– Это шутка?!

– Шутка, конечно! – та ответила бодро и будто невзначай добавила: – Но иногда не шутка. В последний раз так над нами постоянный клиент пошутил, пусть земля пухом будет. Ему же девяносто шесть стукнуло, но этот факт самого его не остановил – сначала до четырех утра в ресторане на втором этаже кутил, потом еще пару часов в ресторане на первом этаже с девушками знакомился, а потом в номер вернулся на последнем издыхании, – женщина приложила палец к тонким губам, словно призывая нас к молчанию: – Но такие вещи вслух здесь не обсуждать, ясно? Здесь люди себя чувствуют в раю, незачем им знать, что где-то в соседнем номере кто-то в самом прямом смысле туда отправился – обычно это портит настроение. Вот! – она воскликнула, прикладывая ключ-карту к очередной двери. – С этого номера и начнем, ночью гости выехали.

Ни меня, ни Верочку нельзя назвать белоручками или криворучками – все же мы росли не в домах с прислугой. Но оказалось, что даже уборка бывает разных степеней прокачки. То, чего требовала от нас неугомонная Карина Петровна, пока нам было неподвластно – надо быть молнией с тряпкой, феей в резиновых перчатках, суперженщиной, способной менять постельное белье за секунды, а надзирательница все подкидывала и подкидывала нам информации: как часто протирать гардины, какими средствами чистить ванную, а какой тряпкой – панели. Уж не знаю почему, но со временем – точнее, в третьем шикарном номере – это уже стало весело. Мы с Верочкой почти наперегонки гонялись и невольно хихикали, поглядывая друг на друга. Не знаю, то ли трудотерапия так хорошо сказывается на настроении, то ли совершенно новое для нас занятие, то ли роскошная обстановка вокруг, которая требовала именно нашего вмешательства для абсолютной идеальности, то ли тот факт, что у нас получается, несмотря на первоначальный скепсис. И даже Карина Петровна похвалила:

– Вот и славно, девочки. Недели через три вы вдвоем сможете убирать комнаты так же быстро, как одна самая медленная из наших штатных горничных. Я считаю это отличным результатом, была готова и к худшему. Но за вами закреплю только это крыло, в элитных номерах все же требуется больше профессионализма.

Мы с Верочкой в очередной раз переглянулись и едва не присвистнули: то есть это были не элитные номера? Так, халупки для самых бедных гостей?

После Карина Петровна повела нас показать, где прачечная. И путь как раз пролегал через этот стеклянный коридор между корпусами. Мы просто замерли,

не в силах сдержать восторга: будто над поверхностью земли в ста метрах застыли, впереди голубеет море, внизу пестреет территория отеля, а почти прямо под нами бассейн с лазурной жидкостью, которую и водой назвать язык не поворачивался – настолько неестественно выглядел этот оттенок синего. Не совсем ясно, на кой черт посетителям нужен бассейн, если до моря полторы минуты ходьбы, но на шезлонгах уже располагались самые ранние из пташек. И все это вкуче выглядело неестественным кадром проплаченного рекламного ролика – точно, рай.

Мы поспешили за Кариной Петровной, но как только она посчитала наш рабочий день законченным, вернулись сюда, чтобы разглядеть получше.

– Мать, мать, мать... – эхом доносились до меня отголоски сестриных впечатлений.

– И не говори, – неизбежно соглашалась я. – Сюда на закате надо прийти.

– Чтобы с ума сойти? – почему-то обиделась Верочка. – Потому что я точно сойду с ума.

– От красивого вида?

– Нет, в конце августа, когда меня отсюда выгонять метлами будут. Потому что добровольно я отсюда ни ногой. Разве что под ручку с Керном-младшим.

– Ну, теперь-то хоть понятно, Вер, что ты в нем нашла. На мой вкус, даже все отели мира не перевешивают характер крысеныша Керна, но хоть один разумный аргумент в его пользу. Слава богу, ты хоть меркантильная, а то я уж боялась, что просто крышей двинутая. Хоть в деньги влюбилась, а не в такого ублюдка.

– Дура ты, Ульяна, – она и не думала обижаться. – Он же ко всему харизматичный красавчик и вообще классный!

– Да, погорячилась я, сестра, рано еще диагноз снимать.

– И никакой меркантильности, Ульяна! Конечно, за такую жизнь и убить можно, но полюбить – нет. Я, например, не смогла бы влюбиться в уроды, или если он ниже ста восьмидесяти сантиметров, я таких вообще карликами про себя называю, утырка какого-нибудь без чувства юмора, будь за ним хоть...

И вдруг резко подскочила на месте, поскольку за нашими спинами крякнуло. Я, наверное, уже на развороте понимала, что ничего хорошего там не увижу, но все равно вскрикнула. Собственно, картина маслом – трое из Большой восьмерки. Для полного эпик-фейла только Германа и не хватало. Зато почти карлик – как по заказу.

Прямо перед нами стоял Кеша-торчок, которого мы, конечно же, в лицо знали. Он был невысок – примерно на сантиметр ниже Верочки, которая тоже определенно не шпала. Узколобый, несимпатичный, но обладающий большими круглыми глазами – чистыми, как у ребенка. Это делало его внешность обманчивой, не поддающейся определенной оценке. И говорил он медленно, чуть в нос, растягивая слова:

– А че сразу утырок-то? С лица хлеб не едят.

Я подумала, что он шутит. По крайней мере, хоть одна характеристика Верочки мимо. Но моя надежда обрушилась после того, как его спокойно поправили:

– Воду не пьют, Кеш. И поговорки явно лишние, если ты никак не можешь их запомнить.

– И все равно обидно, когда по внешности судят, – ответил он Кристине, не оборачиваясь. – Все бедные такие злые?

Кристина переводила взгляд с меня на Верочку. Несколько секунд задержалась на фартуке горничной, чуть заметно вскинула тонкую бровь. Потрясающе красивая платиновая блондинка. Я помню, как она смеялась после случая в троллейбусе, но сейчас руку бы дала на отсечение, что меня она не помнит. Тем лучше. А вся ее заинтересованность связана только с темой нашего последнего обсуждения, а ведь мы в выражениях не стеснялись. Именно это она и озвучила:

– Вы кто такие, чтобы вообще обсуждать Германа Керна в таком тоне, как будто вы не на его семью сейчас работаете?

Третьим, к счастью, был Юра Невский. Он быстро сориентировался и выступил вперед, чтобы конфликт не перерос в конфликт, осознаваемый всеми присутствующими.

– О, Ульяна, вы уже приехали? А это, как я понимаю, Вера?

Сестра заторможенно перевела на него взгляд и улыбнулась так широко, как в тот момент сумела:

– Да. Юра, я тоже хотела бы поблагодарить тебя за помощь! И... это, – она обратилась сразу ко всем, – не знаю, как прозвучали мои слова, но я никого не хотела обидеть!

Пухлые губы Кристины искривились, а Кеша так и стоял, заправив руки в карманы и глядя перед собой. Неужели обиделся до такой степени? Хотя мне казалось, что Вера все делает правильно – раз уж вляпались, то лучше сразу извиниться и на том вопрос закрыть. Вот только странно ли, что я извиняться не спешила? Так это разные вещи – я-то о Германе чистую правду говорила, факты констатировала, за что тут извиняться?

Юра зачем-то вообще тронул меня за плечо, словно привлекая к себе внимание.

– И как вы тут устроились? Еще не пожалели, что сюда рвались? Кстати говоря, сам Марк Александрович тут налетами бывает, не чаще раза в неделю, у него других дел предостаточно, так что страшных проверок особо и не бойтесь.

– Я... а, да! Спасибо большое, все прекрасно!

– А когда приехали? Наши номера в том корпусе, – он махнул куда-то в сторону, но я не особенно вглядывалась.

– Понятно. Мы... да... вчера утром!

Я не то чтобы с трудом подбирала слова, но сбивалась от вида Кристины. Ее бровь еще сильнее заползла на лоб – вероятно, так красавица констатировала неуместный интерес ее друга ко мне. Мне тоже от этого было не по себе. И совсем уж неприятно стало от ее презрительной усмешки.

- Юр, пошли уже. Нас все ждут.

- Подождут, - он улыбнулся ей так же мягко, как и мне.

Но она настаивала:

- Надо успеть поужинать до вечеринки.

- А, точно! - Юра хлопнул себя по лбу. - Девочки, сегодня же вечеринка на берегу в честь открытия сезона, прилетайте туда! Там вся молодежь собирается, старикам вход воспрещен.

- Ты спятил?! - Кристина зашипела и подалась вперед, словно собиралась вцепиться в него зубами и утащить отсюда подальше.

Я просто решила отделаться, но притом оставаться вежливой:

- Спасибо за приглашение, Юра! Но нам завтра очень рано вставать...

И Вера завопила, заглушая конец моей фразы:

- Конечно, спасибо, спасибо! Мы обязательно придем!

Юра несколько растерялся от слишком громкого голоса и отступил. Глянул на нас обеих напоследок и шагнул к отчего-то разъярившейся Кристине. Через несколько секунд они оба вернулись, подхватили под локти Кешу и потянули за собой. А он словно из забытья очнулся и монотонно прогундел:

- Кристин, да вытащи ты ногти из моего мяса.

- Ты опять уснул с открытыми глазами!

- В здоровом теле здоровый лук, - он ответил ей, извернулся, посмотрел на нас и добавил: - Буду очень ждать.

Совершенно непонятно, кому это было сказано. А если нам, то непонятно, каков процент угрозы содержался в этой фразе. Но в любом случае, как-то сразу стало ясно, почему Кеша-торчок так называется. Однако Верочке на это было плевать – она зажала рот двумя ладонями и прямо в них тихо визжала. Ну все, кажется, мой курорт закончился, начинается свистопляска.

Глава 6. Зачем ты стучишь в мои барабаны?

Стоит ли говорить, что гардероб Верочке пригодился? Она собиралась на вечеринку с таким отчаяньем, будто это первый и последний шанс в ее жизни показать себя во всей красе. Хотя, по сути, именно так оно и было. Сестра настолько вдохновилась, что попыталась нарядить и меня. Я отбилась. Вообще идти туда не собиралась, но после кровопролитных споров мы сошлись на компромиссе: я пойду, но в своей футболке и шортах. И даже купальник под низ надевать не стала, чем привела Веру в полное недоумение – на ее взгляд, явиться на пляжную вечеринку без самого главного – это верх тупости. Потом она махнула рукой, окончательно признав мою непроходимость. Ну, а я в тот же момент махнула рукой на ее непроходимость. Честно говоря, я решила составить ей компанию только по той причине, что боялась пустить все на самотек: хотелось бы присутствовать там, где моя идиотичная напарница может запросто подписать нам обоим смертный приговор, то бишь приказ об увольнении.

Место проведения вечеринки угадать было несложно – мы шли на звук музыки. И о ее громкости достаточно сказать только то, что она прилично заглушала шум моря. Если завтра мы сможем общаться без крика и друг друга слышать – это будет большой удачей, необъяснимой с медицинской точки зрения. По поводу купальников Верочка угадала – абсолютное большинство девушек только в них и были одеты, благо температура позволяла. Я одернула сестру, когда та попыталась стащить с себя легкий сарафан и сразу присоединиться к общей вакханалии.

Народу собралось столько, что стало понятно – здесь далеко не только молодежь из гостей отелей. В подтверждение тому можно было разглядеть и огромное количество машин разных габаритов. Мы поначалу мялись в сторонке, не зная, к какой компании податься, а на самом деле высматривали хоть какие-то знакомые лица – в частности, я искала взглядом Юру, в чьей компании не

чувствовала бы себя пятой ногой собаке. Ну, а уж кого выискивала Вера, и ежу ясно.

И именно ее желание сбылось первым. На нас налетели сзади, обнимая сразу обеих. Не кто иной, как Герман, подхватил нас, толкая ближе к центру бедлама. Я сжалась. Вера сжалась. И, по всей видимости, сжались мы по совершенно противоположным причинам.

– Новенькие, что ли? – спросил громко и весело, выпуская нас из насильных полуобъятий, после чего я смогла дышать. – Не тушуемся, девочки! Вон там бухло, там танцы, а там грязные танцы. Правило одно – не скучать. Лично проверю! И если только заподозрю, то клянусь своим добрым именем, раздену, вывалю в смоле и перьях, чтобы другим дурной пример не показывали. Вы откуда вообще? Как зовут?

Вера на себя стала не похожа – она заметно порозовела, но тем не менее нашла в себе силы собраться и радостно ответить. Быть может, она осознанно проигнорировала первый вопрос, сразу перейдя ко второму:

– Я Вера, а это моя двоюродная сестра – Ульяна!

Не представляю, какие эмоции она переживала в этот момент, наконец-то вступив в свой первый диалог с парнем ее мечты. Герман ей шикарно улыбнулся и подмигнул.

– Постараюсь запомнить, но не обещаю, слишком много новеньких, а у меня память уже под коньячком. На всякий случай буду звать вас рыженькая и... – он глянул на меня, – рыжая. Простите, еще куча народу ждет моего явления в их бессмысленных жизнях!

И он улетел вперед к очередной компании, которая сразу разразилась приветственными криками. Верочка смотрела ему в спину обалдевшей от счастья креветкой, а я соображала, почему это я рыжая. Шатенка я. Ну, может, на ярком солнце с легкой рыжиной, но в такое время суток об этом никто не должен догадаться. Вот Верочка, действительно, похожа на рыженькую куколку, тут Герман прав.

Было очень заметно именно его перемещение посреди толпы – и не только по белой рубашке, бросающейся в глаза издали. Все-таки Герман Керн обладает сумасшедшей харизмой: дело далеко не только в яркой внешности, он будто самый шумный, самый приветливый и знакомый всем. Последнему удивляться не приходилось – здесь явно собрались молодые люди примерно его окружения, потому он был хотя бы заочно известен всем. Но вряд ли он в этом кругу проявлял свои худшие качества и над кем-то открыто издевался, потому и отношение к нему перевешивалось к позитивному. А такие люди, как Герман, обязательно вызывают какое-то отношение: их или обожают, или ненавидят, но никто не относится к ним равнодушно. Как топ-звезда на эстраде, делящая всех без исключения на своих фанатов и хейтеров.

Я глянула на Верочку, чтобы оценить ее состояние, и подскочила на месте – сестры рядом уже не было. Ей хватило ума не тащить меня с собой в гущу веселья. Видать, догадалась, что я и есть ее главное препятствие к веселью. Минут через десять я увидела ее вдали уже с каким-то стаканчиком в руках. Итак, квест пройден: пятьдесят процентов из нас обнаружили-таки бухлишко, а остальные пятьдесят процентов мысленно ужасались и предугадывали последствия. А то, что здесь никого особенно последствия не беспокоят, можно было уже догадаться – на каком-то узком возвышении, импровизированной сцене, очень откровенно вытанцовывали полуголые близняшки Анжела и Ангелина. Брюнетки профессионально извивались и бесстыдно касались друг друга, будто вот-вот перейдут к более откровенным ласкам. Да уж, их представления в коридорах института, оказывается, можно было назвать детским лепетом по сравнению с тем, что они могут устроить. Вокруг стояла целая толпа парней, которые, как зомби, синхронно покачивались в такт движениям девушек.

Наконец-то я увидела и Юру Невского. Приветливо махнула ему рукой и отважилась направиться навстречу, все-таки он здесь был единственным из знакомых, не вызывающим иррациональный страх. Рядом с ним стояли, пританцовывая, Кристина и Миша – невысокий шатен, которого я тоже знала из института и того злополучного троллейбуса. Кеша стоял не пританцовывая, а... торча, – именно таким словом можно охарактеризовать его замершее в пространстве положение и пустой взгляд.

– Привет, Ульяна, – Юра подался ближе ко мне. – Ты знакома с Мишелем? Мишель, это Ульяна. С Кристиной и Кешей ты уже виделась.

Мишель окинул меня внимательным взглядом, ненадолго задержался на лице. В этот момент я была точно уверена, что он меня узнал, но через пару секунд он улыбнулся и просто сказал:

- Привет, - и тут же повернулся к зашумевшей неподалеку компании, потеряв ко мне интерес. А потом и вовсе рванул туда.

Я рассчитывала промяться рядом с Юрой пару часов, перекидываясь пустыми фразами, и потом попытаться утащить сестру в комнату под предлогом раннего подъема. Но не тут-то было. Даже просто постоять не удалось. На таких вечеринках мне бывать не приходилось. В принципе, все вечеринки из моего прошлого в сравнении с этой можно было назвать недвижимым лежанием на диване. Вокруг все бурлило и постоянно перемещалось, никакой системы в хаосе обнаружить не удавалось. То Юру подхватило волной справа и утащило в центр, то меня окружили какие-то парни и наперебой начали о чем-то спрашивать - так бойко и быстро, да еще и музыка их заглушала, что мне даже отвечать нужды не было. В итоге они решили, что мне не хватает подзаправки, снабдили меня стаканчиком с вином, плеснули туда сверху водки, и только после этого оставили в покое - вернее, их подхватила волна справа и унесла от меня налево.

Пить я не собиралась, но теперь со стаканчиком в руках гармонично вписалась в обстановку. Снова отыскала Юру и попыталась пристроиться поближе к нему, но вдруг Кеша зашевелился и шагнул мне наперерез, оповещая необычно звонким голосом:

- Делу время, потехе - два!

Схватил стаканчик, поставил прямо на песок, зацепил другую руку и потащил танцевать! Я поддалась только от того, что ничего подобного не ожидала. Кеша был сильно ниже меня, но двигался так хорошо, что я через пару тактов поймала ритм и тоже закружилась, повинувшись ему. Кеша то отталкивал на расстояние вытянутой руки, то снова притягивал к себе крутым виражом. Я сама от себя не ожидала таких умений!

- Ничего себе! - восхитилась я. - Ты занимаешься танцами?

- С шести лет в профессиональных студиях, - ответил он, но совсем без гордости. - Давно бросил, но оказалось, что такой навык не пропадает. Только

родителям моим не говори.

– О чем? – не поняла я.

– Ни о чем, – он вдруг остановился и отпустил меня. – Вообще никому ничего не говори.

И он снова замер, уставившись в точку перед собой. Кажется, я стала свидетелем какого-то интересного факта, но осознать его до конца не могла, потому и не стала пытаться. Вновь взяла в руки прикрытие в виде стаканчика и осмотрелась. Юру тащила танцевать какая-то незнакомая девушка, а ко мне подлетела заметно повеселевшая Кристина – тут, должно быть, какое-то магическое вино, раз даже у этой непроницаемой блондинки взгляд потеплел, как и голос:

– Мы, наверное, неправильно начали, – заорала она во все горло, чтобы я могла слышать. – В общем, я Кристина. И если ты друг Юры, а мы с Юрой друзья с детского сада... в общем... Забыли?

– Забыли, – отозвалась я не так громко, но очень ошарашенно.

– Весело тут, правда? – продолжила она. – Ты времени не теряй, здесь далеко не всегда будет так весело. Это пока Марка Александровича поблизости нет. Знал бы он, как мы отрываемся, то... – она не закончила, вдруг подавшись вперед, на очередной смене музыки. И завизжала: – О! Моя любимая песня! – она все-таки оглянулась перед тем, как рвануть в толпу танцующих, и крикнула: – Ты только на месте не стой, веселись! Здесь всё могут простить, но только не отсутствие веселья. Тухлым имеет право быть только Кеша – но ему прощается, он и так молодец, уже второй год в завязке, а это сложно!

И от этой короткой сцены внутри немного потеплело. Кристина показала, что я здесь не лишняя, а это оказалось важным. Приказано веселиться? Буду делать вид, что веселюсь! А пока изображаешь веселье, внутри тоже будто что-то оживает и подстраивается под заданную роль. Теперь стало еще проще растворяться в царящем вокруг расколбасе. Шумиха, кажется, только набирала обороты, я и не замечала, сколько времени прошло. Вокруг уже разгорались костры, что добавило празднику полной фееричности. Я танцевала со всеми, улыбалась в ответ на улыбки и делала вид, что пью из своего бездонного

стаканчика.

Остановил меня только вид Верочки, которую я все-таки рассмотрела вдали – ничего удивительного, что она крутилась неподалеку от Германа. Удивительно было то, что сарафана на ней уже не наблюдалось. Я постаралась забить в себе ханжу – в конце концов, она тут была далеко не единственной в купальнике. И пока на ней топ, я попытаюсь не падать в обморок от ужаса. Когда я шла туда, заметила, что Герман приобнял ее и что-то шепнул на ухо, отчего сестра рассмеялась в черное звездное небо. Да неужели... Неужели Верочка не понимает, что он такое же внимание оказывает всем без исключения, но она воспринимает все в преувеличенной форме? Боюсь, утром ее ждет разочарование, когда до нее дойдет, что Герман даже имени ее не запомнил.

По дороге меня закрутило в новый водоворот – вряд ли можно было пройти сквозь волну тектоника, не помахав руками. Пришлось потанцевать, где-то рядом обнаружился и смеющийся Юра. Он что-то спросил, но я не расслышала. Потом подался ко мне, почти успел схватить за руку, но замер, поскольку музыка затихла. Тишина просто рухнула, аж в ушах зазвенело с непривычки. После чего раздался голос Германа:

– Сезон открыт, товарищи! А теперь купаться!

– Купаться? – не поверила я.

Толпа заулюлюкала, рванув сплошной стеной к морю. Парни стаскивали футболки прямо на ходу, кто-то предусмотрительно складывал одежду в сторону, чтобы на обратном пути не затоптали. Впереди нас показалась Кристина – в желтом купальнике она вдруг предстала уж совсем потрясающей, ей бы в модели идти. Или она уже в моделях, откуда мне знать? Она же схватила Юру и потащила за собой, хотя парень и пытался сопротивляться.

Я не поспешила за ними, наоборот, обрадовалась, что Невского от меня утащили – а то начал бы уговаривать присоединиться ко всем, пришлось бы некрасиво ломаться и отпираться. А так у меня появился шанс отстояться тихонько и незаметно.

Но не вышло – рядом со мной оказался Герман. Неожиданно один, вся его свита уже плескалась в теплой воде. Он толкнул меня в спину, подбадривая:

– Идем, идем, рыжая! Сухих здесь не будет. Это же море – ты нанесешь морю оскорбление, если не уделишь ему внимания.

Все-таки некрасиво ломаться придется. Я попыталась по-хорошему – отступила чуть в сторону, давая ему проход.

– Нет, это без меня.

Он уже расстегнул белую рубашку, стянул с плеч. И явно не думал оставлять меня в покое.

– Иди, я приглашаю!

Я выдавила улыбку и объяснилась:

– Извини, не могу. Я даже купальник не захватила. Не думала, что... Да я вообще не думала, что пробуду здесь так долго!

Он выпрямился прямо передо мной, вдруг став совершенно серьезным. Смотрел неотрывно сверху вниз, будто гипнотизировал:

– Ульяна, – я вздрогнула, поскольку не ожидала, что он назовет меня по имени. – Ты думаешь, что это оправдание? Вот прямо на полном серьезе думаешь, что отсутствие купальника – это повод оставаться сухой, когда все станут мокрыми? Или ты просто тухлая? – и вдруг широко улыбнулся, подчеркнув этим то ли иронию, то ли угрозу.

Я перевела взгляд вперед, на толпу, которой уже явно не было дела до того, кто во что одет. Стоит отметить, что некоторые уже почти и не были одетыми – и даже они привлекали к себе внимания меньше, чем я. Быстро оценила ситуацию и приняла решение. На мне бюстгальтер и трусики – собственно, это почти ничем и не отличается от купальника. Да и в полутьме, освещенной лишь звездами и кострами, разницу никто не заметит. Герман словно уловил мое смятение и неожиданно пошел вперед со словами:

– Всё, смущать не буду. Однако приглашение в силе.

Я быстро сняла одежду и сложила аккуратной кучкой. А что такого, в самом деле? Пробежать вперед и плеснуть кому-нибудь в лицо водой, тем самым закрыв вопрос. Да и вечеринка эта такая, что располагает. Особенно для меня, совсем позабывшей вкус настоящего веселья. Поддалась я больше не на его уговоры, а на предыдущую эйфорию: меня здесь все восприняли как часть общей мешанины, так зачем занудствовать и не позволять себе продолжить веселье?

Когда я оказалась в море, многие уже выбегали со смехом на берег. Не желая теперь оказаться последней в воде, я поспешила присоединиться к очередной толпе выходящих. Они все разбегались в разных направлениях – кто-то к своей одежде, кто-то к выпивке, а кто-то к кострам, хотя замерзнуть тут вряд ли можно. А передо мной вдруг оказался какой-то вакуум, пустое пространство. Я, обнимая себя руками, высматривала место, где оставила футболку с шортами. И с нарастающим волнением понимала, что одежды на том месте нет.

И теперь мне уже веселье не казалось сумасшедшим, я будто бы начала просыпаться и ловить на себе заинтересованные взгляды. Не знаю, есть ли принципиальная разница между купальником и нижним бельем, но я почему-то все острее эту разницу ощущала. Даже начало колотить, как от холода. Еще сильнее меня заморозило, когда я увидела на том самом месте Германа – одетого. Дошло, что он вряд ли вообще раздевался, просто вернулся обратно и зачем-то взял мою одежду.

Рядом с ним стояла смеющаяся Кристина – точно, я этот смех уже слышала. Ничего хорошего он не предвещал. Чуть позади – Мишель, осматривающий меня без смеха, но с брезгливостью. Но еще хуже, что с другой стороны от Германа стояла Верочка, уже натянувшая сарафан поверх влажного тела. И тоже смеялась – то ли подражая Кристине, то ли случайно попадая с ней в один тон.

Самый глупый вопрос, который я могла задать: «Что происходит?». Но никакого другого вопроса, который прозвучал бы не так тупо, на ум никак не приходило. Я отчаянно хотела прикрыться.

Герман так никакого вопроса и не дождался – начал сам, причем совершенно другим, уже пронизывающим холодным тоном:

– Итак, ты та самая обезьянка, которая очень любит хаять меня за моей спиной? И что же я тебе такого сделал, а? А может, моя семья? Давай же, расскажи, как мой папочка сто лет назад уволил твою мамочку, оставив вас умирать голодной смертью. Или что произошло? Я по пьяни перепутал тебя с какой-нибудь красоткой, а потом забыл перезвонить? Заинтриговала, расскажи уже, не томи. Поржем и разойдемся. Зато кое-кто станет намного умнее, ведь кое-кто понимает уроки?

Я молчала. Если бы я рассказала ему причину своей ненависти, то он бы ухохотался до колик, а я выглядела бы еще более жалкой. Все это было подстроено. Кристина, по-дружески со мной болтающая, сразу же обо всем ему доложила. И Герман Керн мимо такого безобразия не мог пройти. Как же можно – плохое слово про небожителя сказать и не сгореть до тла от угрызений совести?

– Ну, что молчишь, Ульяна? – его тон вызывал мороз у меня на спине. – Или ты всерьез думаешь, что пойдешь в отель одетая, если продолжишь молчать?

Я не знала, чего он хочет. Извинений, может быть? Зрителей представления вокруг прибавлялось, многие отчетливо посмеивались – еще не понимая до конца, но предчувствуя шоу от своего любимчика. Извинюсь – и на этом ничего не закончится, только добавлю себе унижения. Убивали не они, а ржущая залиvistым смехом Верочка, которой мой позор был побоку, ведь она получила свою порцию абсолютного счастья. И если роль подпевалы добавит ей еще очков, то она способна ржать гораздо звонче, пределов нет. Да и не просто так Герман взял ее в оборот – Кристина наверняка доложила и о высказываниях сестры. Теперь он видит в ней влюбленную в него дуру, так почему бы и не относиться к ней как к влюбленной дура?

– Что происходит?! – вдруг раздался голос Невского, который озвучил именно тот самый вопрос, который пришел мне в голову первым. – Герман, перестань!

– Юр, я прошу, не сейчас, – ответил ему тот, но на друга даже не взглянул.

– Герман! – повторил Юра.

И, вероятно, не рассчитывая на успех переговоров, просто стянул с себя мокрую футболку, которую только что надел, и шагнул ко мне, протягивая. Я не знаю

почему, но этот акт милосердия стал для меня последней каплей. Я почувствовала себя настолько раздавленной, что просто сорвалась с места и побежала, не в силах больше выносить главную роль в этой сцене. У Юры хватило тактичности не кинуться вслед за мной, я была благодарна хотя бы за это.

Время было почти четыре утра. Я старалась держаться ближе к кустам – благо корпус обслуживающего персонала располагался в стороне. Шмыгнула мимо охранника, который только брови успел вскинуть, схватила ключ с панели. Пробралась в нашу комнату, залезла под горячий душ. Думала, как только достигну этого пункта, позволю себе разреваться. Но уже там осознала, что реветь не хочется. Наоборот, все мое нутро наполнила настоящая злость, еще большая, чем была до сегодняшнего дня – та-то порядком поизносилась, стерлась за давностью времени. А теперь все свежо, прям бодрит. Ненавижу! Германа, всю эту толпу негодяев, готовых унижать смеха ради, Верочку, которой самое место рядом с такими гиенами. Ярость моя достигла такого пика, что я искренне пожелала Герману и Вере большой любви – никто не отомстит им лучше, чем они сами. Два сапога пара – ну, примерно, как ботильон от Гуччи и лапоть. Совет им да любовь!

Однако на судьбу я полагаться была не намерена. Уже даже практика отошла на второй план в сравнении с желанием поставить их всех на место.

Глава 7. Хана кубическая

Утро было самым недобрым из всех утр. Хотя бы потому, что началось через полтора часа после того, как я легла спать. Продрала глаза и на соседней кровати обнаружила Верочку, так же пытающуюся осознать себя в пространстве под назойливый долбеж по ушам будильника.

Собиралась я быстро не только потому, что боялась разозлить Карину Петровну во второй рабочий день, а по большей части, чтобы не общаться с любимой сестренкой. Да и вообще, когда ты зверски не выспался, то план действий однозначный: двигаться как можно быстрее и активнее, чтобы обмануть организм и включить его в новый день насильно. Побежала в столовую для персонала, где нас кормили по времени. Там с опоздавшими тоже церемониться

не станут.

Верочка, быть может, по моей удаляющейся спине догадалась, что разговаривать с ней я желанием не горю. Но самое изумительное – она пыталась, я ушам своим не поверила, когда услышала что-то наподобие: «Уже вставать? Как бы до конца смены сегодня дожить, правда?». В дальнейшем она была занята тем, что меня догоняла. Надо отдать ей должное, она даже глаза подкрасить каким-то образом успела. Правда, завтракала стоя – не было ни одной лишней секунды, чтобы тратить время на присаживания-вставания.

Карина Петровна не стала комментировать наш помятый вид и сразу перешла к делу:

– Вы двое, и вот вы еще, сегодня убираете не в номерах. Девочки, – это уже к другим горничным, – а вам придется взять на себя третье крыло. Да-да, к сожалению, нагрузку иначе не перераспределишь, – она подняла руку вверх, жестом останавливая все стенания, а когда последние смирились и поплелись выполнять распоряжение, она снова обратилась к нам и еще пятерым девушкам, сразу пригвожденным к месту непонятностью. – А с вами мы идем на бережок. Чистый воздух, прохлада, позже еще и благодарны будете!

Собственно, я не слишком быстро соображаю, раз до меня дошла суть задания, только когда мы по берегу отправились от отеля. Хоть вечеринка проходила и не слишком близко к корпусам, но все же эта территория тоже закреплена за «Грёзами», а значит, там должен быть такой же идеальный порядок. Я в каком-то оцепенении осматривала валяющиеся повсюду бутылки, жестяные банки и пластиковые стаканчики, пока Карина Петровна раздавала нам огромные мешки для мусора.

Нет, я не видела ничего плохого в этой работе, ничуть не хуже, чем уборка в номерах, но сам факт потрясал настолько, что я не смогла промолчать – особенно на фоне того, что во мне закипала злость всякий раз при воспоминании о вчерашнем:

– Милое дело, конечно. Веселились одни, а расхлебывать другим...

Мое мнение подхватили все девушки, особенно те, которых на этой самой вечеринке не было. Им-то вообще, наверное, происходящее казалось

несправедливым. Одна даже осмелилась высказать почти революционную мысль – дескать, кто гулял, тот пусть и убирает.

Однако Карина Петровна монотонно ответила, без грамма раздражения в голосе:

– Добро пожаловать в реальный мир, девочки. Он именно так и устроен, если кто не в курсе.

И мы работали, подбадривая друг друга вялыми возмущениями. Верочка, оказавшаяся со мной поблизости, тихо сказала:

– Тебе ли говорить, Ульяна, ты здесь тоже веселилась, – и улыбнулась так приветливо, будто мы с ней закадычные подружки.

Я даже забыла о том, что вообще никогда в жизни не собиралась с ней разговаривать:

– Но не мусорила! И этот ублюдок уж точно мог распорядиться перед своими прихвостнями, чтобы кидали бутылки вон в тот контейнер. Они его с ног до головы облизывать готовы, уж от такой просьбы не переломились бы! Но нет же – пусть работники поработают, пока все уроды спокойно отсыплются в своих постелях. Был бы у тебя мозг, Верочка, тоже бы дошло, что иногда можно вести себя по-человечески.

– Я понимаю, ты сердишься...

– Да ладно! По тону догадалась?

Она не сдалась – и растянула улыбку еще шире:

– Я не буду обращать внимания на твои бзики, Ульяна. Как никогда не обращала! И ничего я не сделала тебе такого, чтобы ты разговаривала со мной в таком тоне!

– Неужели... – у меня на несколько секунд дар речи пропал. – То есть это не ты вчера ржала над тем, как твой Герман надо мной издевался?

– Не преувеличивай! – она тоже подняла голос. – Во-первых, ты действительно говорила о нем плохо – заслужила. А во-вторых, если бы ты хоть на секунду вошла в мое положение, то поняла бы – я и не могла вести себя иначе! Вчера я наконец-то вошла в их круг, какой я была бы глупой, если бы начала из себя строить высокомерную царицу, как некоторые!

– Капец... Оказывается, раньше я о тебе думала даже хорошо, это просто дно дурости. Ну да ладно, раз ты сама считаешь, что тебе место в кругу этого уroda, то кто я такая, чтобы мучить тебя какими-то лекциями о самоуважении? Главное, под руку не подвернись, когда этой мрази от меня достанется!

Она смотрела на меня пристально, будто действительно не понимала, почему до меня не доходит какая-то истина.

– Ульяна, ты ничему не учишься, значит, мало тебе досталось. Ты типа камикадзе, что ли? Герман школу не закончил, когда человека убил, и ничего ему за это не было. Ты реально думаешь, что вчерашнее – это самое жуткое, что он мог с тобой сделать? И ты собираешься нарываться дальше? И после этого именно я дура? Ничего не перепутала?

– Отстань уже! Мы явно говорим на разных языках!

– Пусть так, – она все не унималась. – Но нам с тобой жить в одной комнате и вместе работать. Потому нам придется общаться и как-то сосуществовать. Если не можешь – собирай вещи и вали, ведь я отсюда не уеду. Из нас двоих ты слабачка, Ульяна, потому что вообще не умеешь перестраиваться и даже не оцениваешь, когда к тебе делают шаги навстречу!

Карина Петровна крикнула со стороны, предупреждая мой следующий резкий ответ:

– Васнецовы, семейные разборки только во вне рабочее время, ясно?

Нам пришлось замолчать и вернуться к работе. Чуть поостыв, я с сожалением признала небольшую правоту сестры – если мы будем ругаться, то нас здесь обеих терпеть не станут. Кому нужен этот детский сад? Даже не представляю совместную уборку одного номера с перманентным скандалом или

игнорированием друг друга. Все-таки мне придется прикусить язык и смириться с присутствием сестры. Это не самое сложное, ведь неприязнь к ней не идет ни в какое сравнение с ненавистью к другому персонажу.

Думаю, что какой-то сверхразум существует – как минимум, поглядывает на нас одним глазком, отчасти вмешивается, чтобы продлить себе веселье. А иначе и не объяснишь, почему жизнь иногда очень вовремя подкидывает самые нужные шансы.

После обеда Верочку отправили относить постельное белье в прачечную, а меня Карина Петровна поставила возле лифта, поясняя:

– Он остановлен, но двери заклинивают. Ты пока здесь постой, чтобы гости не заходили, иначе мы их оттуда будем с боем часами выскребать, а я потороплю ремонтников. Всем вежливо указывай на другой лифт и улыбайся! Нет, не так... Как-нибудь понатуральней улыбайся.

Сложности в этом задании не было. Я всем подходящим говорила:

– Добрый день! Пожалуйста, воспользуйтесь следующим лифтом, здесь сейчас начнутся ремонтные работы, – после нескольких раз даже расслабилась, поскольку все только благодарили и проходили без лишних вопросов.

Когда на широкой лестнице показалось несколько человек, я замерла. Герман шел в обществе близняшек, но те, синхронно чмокнув его в обе щеки, свернули в правый холл, где располагался один из ресторанов. Я спонтанно отшагнула в сторону от злополучной двери.

– Какие люди! – он расплылся в звездной улыбке, а я про себя отметила, что на этот раз он меня запомнил. То ли девушки в нижнем белье лучше врезаются в память, то ли налицо прогресс в наших отношениях. – Ульяна, как твои сегодняшние дела?

– Добрый день! – я даже предыдущую улыбку с лица не сняла. – Все прекрасно, господин Керн, спасибо за заботу.

Он хмыкнул и вошел в лифт, но через секунду позвал:

– А ты разве не едешь? Да ладно тебе, я кусаюсь, но не сильно. А уж после «господина» целых пять минут обещаю не кусаться.

– Благодарю, но я здесь жду начальницу. А так бы обязательно.

– Типа у нас с тобой вдруг мир?

– Типа я понимаю уроки. Приятного путешествия, Герман Маркович.

Он не стал уговаривать и нажал на кнопку. Я уже видела Карину Петровну, с округляющимися глазами несущуюся ко мне.

– Стоп! Сломано! Сто-о-оп! – крикнула она, но было уже поздно.

Лифт никуда не поехал, только дернулся и затих. Потому нас наверняка было слышно в кабине.

– Карина Петровна, я пыталась его остановить, но... как видите.

Она просто металась на месте, напоминая фурию в панике:

– Да что же ты за человек-то? Простейшая задача!

Я отвечала громко и уверенно:

– Боюсь, господин Керн не счел нужным ко мне прислушаться, а я не рискнула бросаться на него, чтобы задержать.

Кажется, я расслышала приглушенный смех – точно, все слышит, но почему-то не расстроился. Сидит там, ржет, настроение хорошее, или со вчерашнего еще не отпустило. Ну ничего, за пару часов как раз отпустит.

Карина Петровна просто не знала, что еще сказать, потому орала всякую ерунду:

– Надо было бросаться, Васнецова!

– Я не могла. Он большой.

– Еще какой большой! – раздалось из-за двери. – Ты даже не представляешь насколько.

– Я так и сказала, господин Керн.

Видя, что я совершенно спокойна, Карина Петровна подбежала к двери и начала вопить туда, что ремонтники уже спешат на помощь. И что он даже соскучиться не успеет, как будет на свободе, притом пришептывала себе под нос: «Лишь бы в туалет не захотел», «Лишь бы клаустрофобии не было» и что-то подобное. Мне это очень напомнило эпическое «Лишь бы не было войны», отчего совсем радостно на душе стало.

Наверное, Верочка права и в том, что у меня притуплен инстинкт самосохранения. Я прекрасно осознавала, что опять нарываюсь и что настолько мерзкий человек обязательно отомстит, но с настроением ничего не могла поделать – несколько часов я думала, что оно уже никогда не поднимется, а нет, растет как на дрожжах, ишь. Быть может, я отношусь к тому сорту людей, у которых все самоопределение завязано на гармонии в душе. Пусть штормит, пусть мутузят всякие отморозки, но если притом на душе тихо, то и хорошо. Ну, или я потом испугаюсь, когда осознаю.

Почти в точку. После смены я решила сходить на море и искупаться. К счастью, Верочки в комнате не оказалось, потому не пришлось выдавливать из себя «мирное сосуществование». И, бредя по аллее, я издали заметила знакомую фигуру – Герман, будто почувствовав, резко обернулся и поймал меня взглядом. И вот тогда я испугалась. Побежала, но он, конечно, догнал и перехватил за плечо.

– Не смей меня трогать! – взвизгнула некрасиво, но мои эмоции на этот счет и не могли проявиться каким-то приятным способом.

На этот раз он был не один, к нам с интересом спешила почти вся компания: Кристина, Мишель, близняшки и, что уже совсем не удивило, Верочка. Последняя не улыбалась – тоже испугалась, что я брошу тень и на ее репутацию. Хотя когда понадобится ржать, она обязательно справится. Возможно, все уже были в курсе дневного происшествия, но, по всей видимости, главному герою очень хотелось

его еще раз обсудить.

– Ладно, обезьянка, один-один, – он не выглядел злым, но мне ли не знать, что он никогда таким не выглядит, когда творит гадости, – признак самых ужасных монстров. – Ты, как я вижу, нарываешься на самые интенсивные ухаживания, припадочная?

На самом деле, два-один. О первом случае он даже не помнит, и это обиднее всего. Я, памятуя о душевном облегчении, когда впервые отважилась выступить против него, просто поддалась внутреннему порыву. И говорила, больше не подбирая слов. Все равно огребу, так хоть с осознанием, что высказалась:

– Один-один, Герман Маркович! А что, избалованное чмо не привыкло, что не все ему пятки целуют? Вы, господин, только вечеринки закатывать умеете, за которые должны расхлебывать другие? Мудаки имеют право просто шагать, не обращая внимания на других людей? Или мудаки действительно считают, что сегодня могут над кем-то издеваться и все это будут молча проглатывать?

Он, вероятно, удивился такому напору, поскольку не перебивал – наоборот, чуть отступил и уставился на меня. Ну, раз слушают, то я готова к спичу, который конкретно этот индивид в своей жизни точно никогда не слышал:

– Что такое, Герман Маркович, тебе никто не сообщал, что ты ничтожество? А что ты из себя представляешь, интересно? Толком не учишься – в институт являешься только для того, чтобы преподав и сокурсников доводить. И все молчат, слово боятся сказать, потому что в курсе безнаказанности. Или что ты сюда явился якобы на практику – так ее в институте и зачтут. И друзей своих, таких же халявщиков, сюда же притащил, хотя все они спокойно могли отдохнуть за деньги своих богатых папаш...

– Хватит, – он сказал вдруг тихо. Как-то заметно притихли и все его друзья, а Верочка вообще побледнела, словно собиралась грохнуться в обморок.

Но я уже не хотела сдерживаться. Придавило их откровениями? Так пусть хоть разок что-то подобное услышат, когда еще повезет? Заметила, что в нашем направлении спешат и Кеша с Юрой, у последнего на лице явное волнение. Но я обойдусь и без героев в сияющих доспехах, особенно тогда, когда конкретно Юру и не имела в виду в своей тираде:

– Вам ведь, тупым мажорчикам, и в голову не приходит, что большинство студентов о таких местах и мечтать не могут! Восемь мест на институт – какая удача для кафедры! Но нет, везде вы – и хоть бы сделали вид, что работаете! Зачем тебе эта практика, Герман, на которой ты будешь только жрать, бухать и выводить из себя людей? Ведь ты всю жизнь будешь только по головам прыгать, а сам по себе ничего не стоишь!

Я замолчала, чтобы перевести дыхание, но снова поразила непонятной тишине. Вдруг показалось, что Герман не из тех людей, которым нечего сказать. Эти всегда найдут язвительную реплику, чтобы уечь оппонента. Теперь мне хватило ума и проследить за их взглядами, направленными мне за спину. И окончательно добила Кристина, сказав охрипшим голосом:

– Здравствуйте, М-м-марк Александрович.

Я поворачивалась очень медленно – точь-в-точь древний старичок, который очень экономит силы и ему уже некуда спешить. Ничему меня жизнь не учит, как говаривала мудрая Верочка. Ведь только вчера я попалась ровно на том же и не запомнила: сначала по сторонам осмотрись, во все кусты загляни, а уж после изволь открывать ротик.

Мужчина за моей спиной был высок и импозантен. Сходство с сыном бросалось в глаза – такие же светлые глаза со стальным оттенком, тонкие и приятные черты лица, волосы только чуть темнее, чем выгоревшие на солнце пряди Германа. В деловом костюме, что в такую жару выглядело неуместно, руки заправлены в карманы.

Я совершенно точно не собиралась разглагольствовать о богатых папашах в присутствии богатых папаш. Потому проямлила:

– Извините, Марк Александрович, я не хотела...

Не закончила. Тут разумно и нечем заканчивать – не для его ушей маслице-то лила. Через три минуты он узнает, что я здесь на практике, через четыре минуты я больше не буду на практике – причем даже не сказать, что несправедливо. Этот человек все-таки выделил места для студентов, трудовой стаж с зарплатой предусмотрел, а кто-то оказался настолько неблагодарен, что орет на его сына

за то, что он чье-то место якобы занимает...

– И вам здравствуйте, девушка, – ответил мужчина сухо, хотя я и не здоровалась. – Как зовут?

– Ульяна... Васнецова, – я все-таки опустила глаза в землю.

– Студентка?

Хотелось ответить «так точно!» – почему-то ситуация располагала, но я лишь кивнула.

– Карина вас в горничные определила или на склад? Мест на кухне нет – там другая квалификация требуется. Практикантам там не место.

– Горничные, – выдавила я, вообще не понимая смысла в этих вопросах.

– И я считаю, что это правильно! – у него голос тихий, но какой-то зычный, пробирающий до мурашек. – Выучитесь – может, и в руководство когда-то попадете. Но не бывает хороших руководителей без знаний всех азов работы, потому начинать надо всегда с низов. Все, Ульяна Васнецова, свободна.

Он этой фразой будто пинка мне под зад дал, чтобы шла уже отсюда. Я сделала несколько вялых шагов, но затормозила, не зная как спросить: «На сегодня свободна или вообще-вообще свободна? То есть вещички-то собирать?». Марк Александрович на меня уже никакого внимания не обращал, а тон его стал вдруг намного мягче:

– Здравствуй, Кристина. Привет, ребята. Иннокентий, что за вид? – он вдруг погрозил коротышке пальцем. – Смотри мне, только заподозрю, три шкуры сдеру! Лето в этом году выдалось загляденье, сам мечтаю об отпуске. Юра, и ты здесь, никак не привыкну. Привет родителям не передавай.

Я теперь вообще уйти не могла, став свидетелем очень необычного и много открывающего разговора, подтверждающего все слухи и сплетни, но теперь будто на официальном уровне. Мужчина продолжал, ничуть не меняя мягкости тона:

– А теперь о недавнем выступлении языкастой практикантки. Что еще за бухлишко? Кто в институте преподавателей доводит? И почему это Карина вам обязанности не расписала? Я все понимаю – лето, друзья, отдых, но без переборов же, – на этих словах я посмотрела на Германа. Он тоже смотрел на меня неотрывно, как будто и не слушал отца – точно знал, что тот скажет дальше: – В общем, я тут подумал... кстати, а где Карина Петровна? Пусть определяет вас в хозблок и переселяет к остальному персоналу. Да-да, Кристина, если ты сюда не номера убирать явилась, то девица давеча верно выразилась – оплачивай как постоялец и наслаждайся, сколько влезет. А практика должна быть практикой!

– Марк Александрович! – в один голос выдохнули Анжела с Ангелиной.

– Я все сказал. Простите, времени нет, у меня сегодня проверка еще пяти отелей. Давайте за мной, ребята, сам проконтролирую.

И просто зашагал по направлению к центральному зданию. Каждый наградил меня многозначительным взглядом, потом поплелся вслед за мужчиной. Герман шел последним – точно так же, как отец, заправив руки в карманы. Неподалеку осталась только Верочка. Она покачнулась, а потом и вовсе осела на землю.

– Тебе пи...

Порыв ветра заглушил конец слова, но я и сама догадалась. Это почти «хана», но хана объемная, другой природы и ёмкости, эдакая кубическая хана. Хотела отомстить – и желание сбылось в наилучшем виде! И теперь мне пи...

Глава 8. Буря мглою небо кроет

Эх, молодец, Ульянка! Вот прямо молодчага, горжусь! И это ничего, что поджилки трясутся, – они у всех героев немного дрожат. Зато молодчинища!

Таковыми мыслями я себя подбадривала, пока шла к морю. А из-за чего планы менять? Перед смертью не надышишься, зато за это время Большую восьмерку уже, быть может, расселят по новым комнатам, а там они будут заняты

благоустройством быта. Верочка со мной почему-то не пошла. Вероятно, теперь ее очередь со мной не разговаривать и делать вид, что мы незнакомы.

Поджариваясь на вечернем солнышке, я пыталась привести все выводы хоть к какой-то системе. Но всё это не имело смысла, поскольку я просто понимала, что дальше меня будут долбить, а я буду отбиваться. И так до тех пор, пока у кого-нибудь не иссякнет запал. Из всей информации осмысливалось только одно наблюдение: когда Герман попался в лифт, он смеялся. Но после, в компании своих друзей, выглядел уже агрессивным. Значит ли это, что на самом деле он не особенно-то разозлился и просто разыгрывал перед ними роль сумасшедшего диктатора? Ну, наподобие вожака в волчьей стае, который не имеет права демонстрировать слабости? Нет, больше подходит сравнение с лидером в преступной банде. Даже если моя догадка верна, то положение от этого не сильно меняется: Герман будет считать себя обязанным меня затравить, потому что от него именно этого и ждут. М-да, ситуация...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/alekseeva_oksana/prakticheskaya-romantika

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)